

Борис Левандовский

Обладатель великой нелепости

«Автор»

2004

Левандовский Б.

Обладатель великой нелепости / Б. Левандовский — «Автор»,
2004

Сначала он думал, что умирает. Потом тысячу раз пожалел, что не умер. Потому что теперь, чтобы выжить, он вынужден убивать. Потому что теперь он – уже не человек, а скрывающийся во тьме монстр-мутант, на совести которого – десятки убийств. И цикл происходящих с ним превращений еще не завершен. Осталась еще одна, последняя стадия...

Содержание

Пролог	5
Часть I.	7
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	29
Глава 5	30
Глава в главе	32
Погребальное турне: завершение окончания	33
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Борис Левандовский

Обладатель великой нелепости

Пролог

Когда анонимный тест дал положительный результат, Герман в первый момент не испытывал никаких эмоций, словно был к этому готов. Ни страха, ни паники.

Все вышло ужасно нелепо, начиная с самой затеи сделать этот анализ. У него не было (и не могло быть!) причин подозревать, что он подхватил нечто подобное. Просто в один прекрасный день (как правило, именно в такие *прекрасные* дни у нас и начинаются особо БОЛЬШИЕ неприятности) что-то «стрельнуло» в голову. Возможно, частый в жизни порыв – лишний раз убедиться в том, в чем абсолютно уверен.

И только спустя неделю, когда повторный анализ подтвердил положительную реакцию, пришло внезапное чувство, будто мир для него кувыркнулся, мелькая черепашими ногами...

* * *

Вернувшись с результатом второго теста, Герман окинул пристальным взглядом свое холостяцкое пристанище, которым последние два года ему служила просторная пяти-комнатная квартира. Она в определенном смысле, не просто намекала, а заявляла в полный голос любому визитеру о социальном, финансовом и прочем благополучии своего владельца. Словно на каждой стене красовался аршинными буквами рельефный лозунг-утверждение: «ТАК ЖИВУТ ПРЕУСПЕВАЮЩИЕ БИЗНЕСМЕНЫ!»

Однако любая, мало-мальски искушенная женщина уже через секунду почувствовала бы среди этого праздника материальных благ, таящуюся не так уж и глубоко, простую истину: здешний хозяин на самом деле чрезвычайно далек от личного благополучия. Казалось, эта истина витала в самой атмосфере дорого – и со вкусом хорошего дизайнера – обставленных комнат; тихо шептала из темных углов поздними вечерами и смотрела на вас угрюмым взглядом *вашим* же лицом из всех зеркал в доме. То единственное НЕблагополучие, способное лишить большей части смысла все остальное.

одиночество

Как старая хроническая болезнь с привычными симптомами, как самый легкий налет пыли, сводящий на нет блеск любой роскоши, заставляющий внести небольшую, но существенную поправку в лозунг-призрак на стенах:

«Так живут ОДИНОКИЕ преуспевающие бизнесмены».

Взгляд Германа блуждал по квартире в поисках особых (и только теперь заметных) метаморфоз в обстановке, ее деталях.

«А почему, собственно, что-то должно было измениться?» – саркастически заметил крошечный наблюдатель в его голове – Независимый Эксперт – та грань нашего сознания, которая частенько выводит нас из себя.

Верно, вирус гнезвился в нем и вчера, и неделю назад (здесь злополучный тест не играл, конечно же, никакой роковой роли), и, возможно, живет в его организме уже не первый год. Просто он этого НЕ знал. До сегодняшнего дня. Циничная, но неприступная логика. Тем не менее, Герман усилием воли заставил заткнуться мерзкий голос Независимого Эксперта По Всем Вопросам, медленно прошел в гостиную и остановился в центре комнаты.

Его взгляд продолжал *искать*.

«Может быть, вы знали?» – мысленно обратился он к вещам. – «Знали и...»

«Это глупо!..» – пискляво встрял Независимый Эксперт, и тут же был вышвырнут Германом в самый темный и глубокий подвал подсознания. Теперь он, кажется, отстал надолго.

«...И молчали...»

Вещи хранили ответ в будоражащем воображение безмолвии.

Герман безнадежно махнул рукой и с мрачной ухмылкой подумал, что, будь в этот момент кто-то рядом, он действительно выглядел бы полным идиотом, несмотря на всю трагичность (трагикомичность?) сложившейся ситуации. В этом крошка-эксперт (блуждавший сейчас в поисках выхода *наверх*) был, безусловно, прав.

Хотя... Кто-то буравил Германа насмешливым взглядом со стены. Откуда-то слева. Он повернулся и увидел собственный фотопортрет, сделанный еще в школьные годы. Мальчик, казалось, скривил губы в лукавой усмешке:

«А я-то с самого начала *знал!*»

Его глаза *действительно* улыбались.

– Вот как? Ну, и когда же это случилось? И, главное, КАК? – фыркнул Герман.

Казалось, мальчишка чуть прищурил один глаз. Из-под лацкана синего школьного пиджачка выглядывал загнутый уголок пионерского галстука. Фотограф явно перестарался с насыщением цвета, и это походило на высунутый ярко-красный язык фантастического существа из второсортного фильма ужасов.

– Так как это произошло?

«Какая разница? Это неважно...»

– Это принципиально! – Герман почувствовал, что, как это ни глупо, но он всерьез начинает злиться.

«Не важно...»

– А для меня...

«Ладно, – взгляд мальчишки стал снисходительнее. – И что же для тебя принципиальнее: «КОГДА или КАК?»

О! Он еще и должен выбирать?!

– Как! Однозначно – КАК!

Герман почти услышал, как мальчишка чуть не поперхнулся едким смехом:

«Ха! Во всяком случае, не так, как у всех, по крайней мере, не так, как у *большинства*. Не ТАК!»

– На что ты намекаешь?

«Не заводись, тебе лучше знать», – ухмыльнулся двенадцатилетний Гера.

– Ты!.. – Герман осекся. Его мнимый собеседник был единственным, кроме Господа Бога, от кого невозможно было утаить правду: не смотря на все отчаянные усилия, в личном плане жизнь Германа никак не желает налаживаться – как осколки раздробленного магнита нипочем не желают собраться опять в одно целое. И хотя девственность Герман потерял еще в шестнадцать, с тех пор к нынешним тридцати не был с женщиной ни разу. За исключением, пожалуй, единственного случая, когда год назад он наконец решился испытать удачу в обществе дорогой проститутки. И (как того и следовало ожидать, не без помощи вездесущего внутреннего Эксперта) опростоволосился как неопытный, перегоревший от волнения мальчуган. В редкие моменты, подшучивая над собой, Герман думал, что в попытке распутать узел его проблем сломал бы ногу не только черт, но даже старина Фрейд.

Итак, чего же он добивается, глядя на старый школьный портрет? Неужели он настолько выбит из колеи, что уже не способен уяснить элементарную вещь: перед ним всего лишь кусок простой старой фотобумаги, наклеенной на простой и не менее старый картон?

«Вот именно – дурак!» – донесся из бесконечной дали мальчишеский голос.

Часть I. Великая нелепость: начало

Глава 1 «Мах на мах»

Если в положении Германа можно употребить слово *спокойствие*, то оно наступило уже спустя несколько дней. Хотя, скорее, это было тем притупленным апатичным состоянием, когда пик эмоций достигает своего естественного предела, и психика возводит барьер, рождающий эту иллюзию спокойствия.

В какие-то моменты Герман понимал, что продолжает негласный поиск ответов на «когда» и «как».

Мысли о возможном лечении его навещали реже; зная, что такового не существует, он не строил особо оптимистических планов на будущее. Герман воспринимал ВИЧ – как бомбу замедленного действия, с непредсказуемым и неотвратимым механизмом, готовым сработать в любой момент (о чем изредка попискивал далекий голосок вечно трезвого в своих суждениях Эксперта). Вопрос лишь в сроках: завтра или через годы (разумеется, в пределах ближайшего десятилетия или, скорее, *пятилетия*). Но это обязательно произойдет – болезнь взорвется. Невидимая стрелка уже бежит по делениям его жизни, а на финише – ...

С самого начала Герман твердо решил никого не вводить в курс дела. Мысль прожить последние месяцы или годы в роли изгоя (относительно *нормальные* месяцы или годы), которому, возможно, внешне будут сочувствовать, но одновременно сторониться, как прокаженного, – казалась ему мало привлекательной.

В свое время все и так обо всем узнают. А пока он собирается просто жить (доживать?!) – настолько нормально, насколько получится. Вот уже *потом* ему будет безразлично.

Впрочем, чтобы окончательно уничтожить в себе остатки сомнений, он прошел тест в третий раз. В результате Герман не обманулся, скорее, это напоминало акт милосердия к самому себе. Как просьба утопающего, который знает, что шустрые зубастые рыбки пираньи давно объели всю его нижнюю половину до костей, но который также знает и то, что все равно будет стремиться к берегу, – дать ему веслом по шее.

Конечно, он не обманулся.

Два самых долгих в его жизни месяца Герман боролся, пытаясь *не думать* и *не замечать*, но через два месяца и три дня сдался. В действительности, жить, как раньше, оказалось уже невозможно.

Тогда у него еще не возникло повода думать, что тест принял за СПИД *нечто* иное.

И что Добрые Доктора уже идут по его следу.

* * *

– Мне нужен отпуск, – сказал Герман без предисловий, сев в кресло напротив директорского стола.

– Я надеюсь, ты шутишь. Первое апреля давно прошло.

«У меня теперь каждый день первое апреля...»

– Мне необходим этот отпуск... очень.

– Забудь, об этом не может быть и речи, – сидевший по другую сторону стола, будто по другую сторону баррикад (во всяком случае, у Германа ситуация вызывала именно такую ассоциацию), категорически покачал головой.

Они были с Германом одногодки и еще несколько лет назад считали друг друга почти братьями; формально оставались таковыми и теперь. Формально. Но если все это дерьмо сейчас назвать братской дружбой, то нужно полагать, что и Гитлер до сих пор пытается осуществить свой план «Барбаросса».

Все изменилось, когда они основали собственную страховую компанию. Доля Германа в деле на целый нолик в конце уступала сумме его партнера, поэтому он считался лишь вторым человеком, не равноправным партнером, а *вторым*. О чем недвусмысленно сообщал один, почти неприметный, пункт соглашения сторон, о котором, в свою очередь, конечно же, позаботился Алекс (разумеется, в этом присутствовала некоторая доля справедливости: бизнес есть бизнес, а распределение доходов в нем – не последнее дело). Однако, если говорить об условиях этого договора, Алекс не посчитал нужным *обсудить* его с Германом, даже некоторые из пунктов, особо важные. Да и о существовании этого пресловутого пункта, по крайней мере, в той форме, в которой его представил Алекс, Герман узнал, когда компания начала свою деятельность, и вся машина (и в юридическом, и в других смыслах) была запущена. Впрочем, «пунктик» был далеко не единственной причиной. Уже вскоре после презентации новоиспеченной компании, их дружба превратилась в сдержанные отношения между директором и замом. Хотя, кроме Германа, этого, наверное, никто не почувствовал. Даже *шеф*.

– Мне никогда не было это так необходимо, как сейчас.

– Гера, очнись! Начало финансового года, вал работы! – Алекс уже не на шутку встревожился. Возможно, от него не укрылись и те перемены, которые произошли в Германе за последние два месяца. Об этом, правда, он ни разу не упоминал.

– Я не шучу, – с нажимом сказал Герман, но все же избегал смотреть Алексу в глаза. – Не шучу.

– Не шутит... Постой-ка, ты женишься?

Германа даже слегка передернуло, словно он только сейчас ощутил, насколько они с Алексом отделились за последнее время. Даже обычные знакомые – не друзья, а просто *знакомые* – почти никогда не узнают о таких событиях в последнюю минуту. И допуская, что Герман вот-вот может жениться, Алекс ничуть не смутился.

– Нет. Я не женюсь.

– Ха! Так какого числа, конспиратор? Трех дней хватит?

Герман почувствовал растущее раздражение, будто превратился в бутылку шампанского, поставленную на раскаленный противень.

– Нет! – ответил он, стараясь сохранить внешнее спокойствие, но, видимо, не очень успешно, потому что выражение лица Алекса сразу же изменилось. – *Не женюсь*.

– О, черт, тогда в чем дело? Болен?

Герман отрицательно покачал головой.

– Возникли серьезные проблемы? – на этот раз в голосе Алекса Герману слышались нотки дружеского участия. Если бы все это происходило хотя бы года три назад...

Герман промолчал, хотя в душе и вспыхнула кратковременная борьба.

«Нет, дружище, ты первым бросишь в меня камень, уж это я точно знаю».

– Прекрати морочить мне голову. Скажешь, наконец, в чем дело?

Герман вновь отвел глаза в сторону. Не потому, что боялся встретиться взглядом с Алексом. Не хотел выдать своей уверенности, что в данную минуту что-то окончательно менялось в их отношениях. Он готов был поклясться, что, когда закроет дверь этого кабинета, между ними уже все будет по-другому. Окончательно.

– Не важно.

– «Не важно»? И это все, что ты можешь мне сказать? – Алекс встал из-за стола, потом снова сел. На лице отразилось смущение. – Не хочешь говорить даже мне. – На этот раз он уже не спрашивал, а констатировал. – Даже мне...

«Да, дружище, *даже* тебе», – с мрачным сарказмом подумал Герман, а вслух произнес:

– Поверь, я действительно не могу.

– Но что за спешка? Непонятно... – В последнем слове явное отчуждение – вот теперь это снова привычный Алекс. – Ладно, а если я отвечу «нет»?

Герман несколько удивленно приподнял голову. Хотя, разве он ожидал иной реакции своего партнера? Пардон, *старшего* партнера.

Теперь между ними словно материализовалась ледяная стена.

Одно дело – ожидать, но почти *видеть* эту стену – совершенно другое.

– Это ничего не изменит, я все равно уйду. Мне нужен месяц... или два.

– Значит, ты в любом случае намерен поступить по-своему и тебе на все наплевать – я правильно тебя понял?

– Если вопрос только в этом – да...

– Вот как? – Алекс неестественно выпрямился в своем кресле. – Ты далеко заходишь.

Теперь стена отчуждения превратилась в целый айсберг враждебности, казалось, даже стол между ними покрылся толстым слоем инея.

– А если... – начал было Алекс и запнулся. Похоже, ему еще что-то мешало перешагнуть через многие годы дружбы.

Наконец он выговорил это, словно выплевывая свинцовые пули:

– Если все-таки уйдешь... И без объяснений... – он сделал паузу. – Потеряешь свою долю в деле, понял?

Вот оно: окончательный разрыв, полный и бесповоротный.

«Ну и прекрасно! Давно пора...» – Герман даже ощутил какое-то облегчение. Молча поднялся и вышел из кабинета, подчеркнуто тихо прикрыв за собой дверь.

Пожалуй, даже чересчур подчеркнуто.

* * *

В баре было мало посетителей – только Герман и еще две пары, которые, видимо, как и он, намеренно пришли до начала здешнего «часа пик».

Герман сидел в дальнем затененном углу зала, вглядываясь вглубь наполовину опорожненной бутылки французского коньяка.

Бармен Павел (или Пол, как он обычно отрекомендовывался перед новыми посетителями) сегодня был несколько озадачен двумя странными обстоятельствами. Во-первых, неожиданным появлением постоянного и дорогого клиента (главное – щедрого практически всегда) в столь необычное для того время; причем, после более чем двухмесячного отсутствия. Во-вторых, его (Германа) заказом – целой бутылкой коньяка, – а он, как известно, напиток не из легких. Видать, у парня случилась лажа, мысленно заключил Пол. Безошибочно угадывать такие вещи – было одной из сторон его профессии. Однако, как и всякий опытный в своем деле человек, он давно уяснил одно неизменное Правило: не лезть в чужую душу как намыленная клизма в задницу. В принципе он допускал исключения, но при строжайшем условии, что его об этом настоятельно попросят. Сегодня его об этом не просили. И, судя по всему, не попросят. Что ж, оно и к лучшему – обычно после *этих* разговоров он долго чувствовал себя окунувшимся в чужое дерьмо. У чувака жестокий депресняк, вот и все. Это было последней его мыслью, связанной с Германом, после чего тот снова превратился для него в одного из частых клиентов.

Со стороны так и выглядело: молодой тридцатилетний человек, слегка не в настроении (хотя от мимолетного взгляда проницательного бармена не укрылось, что за этим непростым настроением стоит нечто большее, чем обычная «лажа»), сделал заказ и, сев за самый дальний столик, углубился в свои мысли.

Герман был похож на одного из тех парней, что обычно сразу привлекают внимание женщин: довольно высокий, худощавый. Однако его тип привлекательности был адресован женщине-домоседке, мечтающей о надежном супруге, с которым без лишних потрясений можно встретить глубокую старость. Поэтому почти сразу многие из них навсегда теряли к нему интерес, по крайней мере, как к мужчине. Это был тот случай, когда обладаемое одерживало верх над обладателем. В чем именно проявлялась эта черта, сказать определенно было невозможно, поскольку основное и выдающееся качество всех внутренних флюидов – их неуловимость.

Короче – он не был тем парнем, который снится по ночам пятнадцатилетним девочкам-подросткам. И дело не в том, что сейчас он выглядел просто-таки «убитым». Даже бармен этого заведения давно определил, что у него не все в порядке вообще. Личная жизнь, – мимоходом решил Пол еще в первый визит Германа в этот бар около года назад.

И был абсолютно прав. *Чертовски.*

А Герман в сотый раз прокручивал в голове последний разговор с Алексом. Мосты сожжены, восстановлению не подлежат. Необратимые процессы... В памяти навсегда сохранился этот холод уже ничем не прикрытой неприязни, может быть, даже ненависти.

Впрочем, это давно назревало. Не доставало лишь последнего толчка, чтобы сорвать нарыв. А ведь смело – нет худших врагов, чем бывшие друзья. Неизвестно, сколько бы еще все это тянулось, если бы не...

(вирус)

Итак, каков его следующий шаг? Уехать? Куда угодно, в любом направлении? Уехать лишь бы уехать... Как действие ради самого действия. Разумеется, это не бегство. Он не настолько глуп. Просто это как... погребальное путешествие. Или лучше звучит – турне?

А смысл всей этой затеи? Герман с силой вдавил окурок в пепельницу – откуда у него эта дурацкая привычка во всем искать смысл! Никакому дерьмовому смыслу уже давно нет места в его ситуации. Равно как и нет разницы, уедет он куда-нибудь или останется подыхать на месте!

«Эй! Не беги впереди паровоза – твой драгоценный вирус еще спит».

Верно.

Пока.

«Эй, чувак, да ведь у тебя – СПИД! Ты понимаешь это?»

Сейчас это был уже не голос Эксперта. Герман будто услышал самого себя со стороны, – свой *собственный* голос. Он на мгновение вернулся к тому моменту, когда впервые по-настоящему осознал, что ИНФИЦИРОВАН, что это с НИМ произошло. Воспоминание вызвало тошноту, и он сделал усилие, чтобы протолкнуть назад скользкий комок в горле.

«Ты хотя бы понимаешь, что жил, возможно, не первый год взаймы и даже не подозревал об этом?»

Да, кажется, он уже кое-что начинает понимать.

«А ЧТО ты успел увидеть в своей чертовой жизни? Что сделал просто для себя? Ты можешь хотя бы вспомнить, когда это было в последний раз?»

Нет, честно говоря, он этого не мог.

«Тебе еще не осточертело жить по чужим правилам, или ты собираешься поступать так даже сейчас?»

Разумеется, он не собирается, не хочет, не желает.

«К чему тогда все эти колебания и глупые поиски смысла? Окончательный разрыв с Алексом – шаг номер один, верно? Машина запущена».

Машина запущена...

С этой минуты он готов.

Он сделает второй шаг... и третий, и четвертый, если потребуется.

Герман поднялся из-за стола, бросил по старой привычке на скатерть купюру и направился к выходу по узкому проходу между аккуратно расставленными столиками, сам не замечая, что бормочет вслух «и третий... и четвертый...», притягивая к себе взгляды немногочисленных посетителей.

* * *

Всю дорогу от бара домой Герман проделал пешком, выветривая из мозгов остатки алкогольных паров и удовлетворенно отмечая про себя, что идея оставить машину у дома, когда он отправлялся на памятную (почти эпохальную) встречу с Алексом, была, как минимум, неплохой.

Нет, эта идея была просто *отличной*.

А ведь все могло сложиться совершенно по-другому, сядь он за руль своего «BMW»...

Лучшая его идея за последние... несколько лет... (тысячу жизней?).

Несомненно.

* * *

Дома его «встретил» маленький Гера.

«Возьмешь меня с собой?»

– Что?..

«Я хочу, чтобы ты взял меня с собой», – мальчишка просил, но смотрел нагло.

ОТКУДА ОН УЖЕ ОБО ВСЕМ *ЗНАЕТ*?!

Ах, ну да... конечно.

«Так как?»

– И не мечтай.

Глаза Геры сощурились в его обычной манере, когда тот держал козырь в рукаве. Герман, конечно, уже не помнил, какое выражение было у него в двенадцать лет, когда родители отчаянно нуждались в маленьком добром шантаже. И знал ли он когда-то об этом? Вероятно, нет. Специальных репетиций перед зеркалом он не проводил. Но сейчас у Германа возникло сильное предчувствие, что именно это как раз и происходит: мальчишка что-то держит наготове.

– Ладно, что у тебя там?

Он почти услышал, как тот удовлетворенно хмыкнул.

«Мах на мах – идет?»

– Не понял. Что это должно означать?

«Уже забыл? – в голосе Геры прозвучали и презрение, и снисходительность одновременно. – Обмен, значит. Когда-то так говорили».

Герман беззвучно рассмеялся.

Да, действительно. Он забыл.

– Ну, и?..

«У меня есть кое-что для тебя. Ты получаешь свое, ну, а я...»

– Конкретнее! – напрягся Герман. – Что ты припрятал?

Мальчишка хохотнул и некоторое время выжидающе смотрел на Германа, словно намеренно (впрочем, еще как намеренно! – уж в этом можно было не сомневаться) играл у него на нервах.

«Кое-какие ответы, – наконец сказал он. – Ответы на два вопроса. Если они, конечно, тебя *еще* интересуют».

Маленький ублюдок над ним еще и издевается?!

– Всего на два? У меня их много. Слишком много для *тебя*, – ответил Герман.

«На два главных».

Ага, вот и пришла пора вытряхнуть все, что таилось в рукавах – давай, вперед, парнишка! Не расстраивай папу.

– Сомневаюсь, очень сомневаюсь.

«А ты попробуй».

Вот так, маленький говнюк, уже лучше.

– Ну, выкладывай.

«Ответы на «КОГДА» и «КАК».

На этот раз ответ был дан без паузы – разговор становился серьезным.

Герман задумался.

С ответом на КОГДА пока что можно было и повременить.

– Меня интересует – КАК? – он пристально всматривался в лицо Геры. – Надеюсь, ты меня правильно понял, правда? И не станешь повторяться: что-то вроде «не так как у всех» меня не устроит.

«Нет, теперь без дураков».

– Заметано.

«Мах на мах – не забудь!»

– Парень, ты начинаешь меня доставать.

«Ладно-ладно, – голос мальчишки едва заметно изменился. – Вспомни: ПОЛТОРА ГОДА НАЗАД».

Герман тупо продолжал смотреть на Геру.

– И это ВСЕ? – выдохнул он разочаровано. Давненько он не чувствовал себя таким болваном, пожалуй, с тех пор как потерпел фиаско в кровати с проституткой около года назад.

Маленький ублюдок его просто *дразнил*!

Он, к тому же, имел в виду КОГДА, а не КАК.

– Щенок!

Герман резко отвернулся от портрета и ушел в другую комнату.

* * *

Он пытался сосредоточиться на своих финансовых делах, бесцельно перекладывая с места на место бланки счетов, какие-то документы и кредитные карточки. При этом его мысли витали где-то очень далеко.

В прошлом.

ПОЛТОРА ГОДА НАЗАД

Никаких особо памятных событий тогда не произошло. Почему именно полтора года? Может быть, мальчишка действительно его только дразнил?

Но где-то, на недостижимой пока глубине сознания, что-то затаилось, храня этот секрет.

Герман сложил кредитные карточки в одну стопку и машинально перетасовал, словно колоду игральных карт.

ПОЛТОРА ГОДА

Он пытался хоть за что-нибудь зацепиться. Синапсы мозга педантично перебирали пыльные архивы памяти, возвращая к жизни похороненные в сознании образы и события.

Полтора года.

Возможно ли еще их воскресить? В некоторых обстоятельствах подобное занятие превращается пытку и способно свести с ума.

ПОЛТОРА ГОДА

Что это было?

«Слушай, все это пустая затея, – он без труда узнал этот голос. – Что изменится, даже если ты и вспомнишь? В тебе сидит бомба с самым хитрым детонатором в мире. И никакие воспоминания не смогут его вырубить, ты сам это прекрасно знаешь».

Да, скорее всего, это так. Но я также еще знаю, дружок, что если не сумею отыскать ответы на ЭТИ вопросы, они будут преследовать меня до самого морга той больницы, где я отдам концы на последней стадии болезни, когда мои волосы вокруг кровати будет собирать уборщица, а все остальное превратится в гнилые мощи, обтянутые прозрачной кожей. Поэтому, можешь катиться ко всем чертям со своей рациональной Логикой.

Итак, что могло произойти полтора года назад?

Фактически то же, что всегда: работа, работа, работа... Изредка прерываемая командировкам в другие города (собственно, все та же работа) в качестве коммерческого директора компании. Еще более редкие вечеринки, которые Герман всегда ненавидел, причем, с каждым разом все сильнее. Одно только упоминание о близящемся мероприятии вызывало у него гадкое сосущее чувство в области живота. Удивительно, как он вообще стал преуспевающим бизнесменом при таком подходе к жизни. Вероятно, здесь была все-таки заслуга не его, а Алекса, стоит отдать тому должное. Посещал же Герман вечеринки, в основном, чтобы избежать недоумения окружающих и нравоучительных разговоров с шефом.

Вот, пожалуй, и все, что он мог вспомнить.

И еще операция на аппендицит, который едва не вколотил гвозди в его гроб.

Ровно полтора года назад.

Боль напала еще в киевском аэропорту незадолго до обратного вылета домой, во Львов. Когда объявили шестичасовую задержку рейса, Герман решил вернуться в гостиницу, но потом передумал, купил в аптечном киоске упаковку анальгина, принял сразу три штуки и вернулся в зал ожидания, где, скорчившись в кресле, отсидел все шесть часов. К тому моменту от целой упаковки анальгина осталась одна таблетка, треснувшая почти пополам и напоминавшая два молочных зуба. Киоск был уже закрыт. А потом бодрый голос диспетчера обрадовал пассажиров, летевших с Германом одним рейсом, объявив из динамиков о дополнительной трехчасовой задержке. Герман чувствовал, что у него начинается жар. По дороге в туалет он едва держался на ногах и чуть не свалился прямо на колени очень полной многодетной женщине, сидевшей у общего входа с большими буквами «М» и «Ж» на разбухшем под тяжестью ее туши чемодане в окружении четырех или пяти отпрысков, как свиноматка в окружении своего помета. Пятый (или шестой) в этот момент, должно быть, тужился где-то поблизости. Дети захныкали, а женщина завизжала, приняв Германа за пьяного. Моментами он действительно почти ничего не видел, только знал, что ему становится все хуже. Он практически не помнил, как оказался в самолете. Но «скорая» увезла его уже из дому только в конце следующего дня. Очнувшись после операции, Герман со слов дежурного врача узнал, что жить ему оставались считанные минуты – начался абсцесс. Его едва успели спасти.

Все это случилось как раз полтора года назад.

Герман вскочил.

– Вот! – он ударил кулаком по столу, испытывая какое-то злобное удовлетворение.

Как он мог этого не учесть, – ведь это было до смеху элементарно!

Он быстро глянул на часы: без пяти три.

Еще успеет.

Хватая на бегу пиджак, он пронесся через гостиную комнату в коридор.

Секундой раньше мелькнуло удивленное лицо маленького Геры.

«Что за спешка?»

– Отстань! – Герман чуть не порвал шнурок, затягивая его на ботинке.

ЭЛЕМЕНТАРНО.

Машина ждала его у подъезда.

* * *

– Вряд ли смогу вам помочь, – пожала плечами молоденькая медсестра, сидевшая по другую сторону окошка регистратуры. – Возможно, вам стоит подняться наверх, в хирургическое отделение, где вам провели операцию. У них свой отдельный архив.

– А если там мне не помогут? Куда я мог бы еще... – Герман почти просунул голову в окошко, чтобы лучше расслышать слабенький голос регистраторши, но та, видно, истолковала это по-своему.

– А... – сестра запнулась, когда их глаза встретились, и через секунду зарделась, словно Герман навязчиво выяснял дату ее первой менструации. – Вам там ответят на все вопросы.

– Спасибо.

Он направился к лестнице и услышал, как захлопнулось окошко регистратуры. Конечно, гораздо проще было пересечь холл, где на противоположной стороне от регистратуры находились двери лифтов. Однако под каждой дверью с зелеными мигающими огоньками вверх собралось по маленькой толпе. Герман решил, что доберется до хирургического отделения, которое располагалось на четвертом этаже, гораздо быстрее, если воспользуется лестницей.

Поднимаясь по ступеням с заметными углублениями в середине, протертыми за много лет тысячами ног, он вспоминал то время, когда провел здесь не самые лучшие три недели в своей жизни.

ПОЛТОРА ГОДА НАЗАД

Возможно, именно здесь с ним и произошло это...

Герман видел поблекшие стены с серыми пятнами облупившейся масляной краски на синих панелях в рост человека. «Ничего не изменилось», – с легким недоумением отметил он про себя, – «Совершенно ничего...» В памяти пронеслось мимолетное ощущение радости, которую он испытывал, спускаясь по этим (именно этим) ступеням после выписки, что все закончилось, и ему, возможно, не придется когда-нибудь вернуться сюда опять.

Когда он достиг пролета между третьим и четвертым этажами, где курящие пациенты устраивали регулярное «воскурение фимиама», как древние служители культа Ваала, сквозь легкую пелену дыма, заслонявшую людей, Герман увидел... себя самого. И чуть не растянулся на полу, зацепившись о ступеньку. В последний момент ему удалось схватиться за перила. Кто-то выпустил густую струю дыма, и лицо мужчины скрылось. Через секунду Герман с заухавшим в груди, как сумасшедший сваебой, сердцем преодолел пролет. Затем все же решился повернуть голову туда, где стоял его двойник. Между ними теперь было не более одного метра, и мужчина совершенно не был на него похож.

Пройдя через белые двустворчатые двери, над которыми висела большая табличка с надписью «ПЕРВОЕ ХИРУРГИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ», Герман увидел знакомый длинный коридор – сейчас безлюдный, если не считать двух больных, которые прогуливались в его дальнем конце. Пустой, в данный момент, сестринский пост с нависшей над столом настольной лампой, напоминающей голову одинокой грустной цапли. Здесь царили тишина и какое-то безвременье. Только редкие звуки доносились со стороны лестницы, напоминая о существовании внешнего мира. И еще откуда-то сверху – как призрачный шепот. Звуки отражались от стен и уносились вдоль длинного коридора с дверями притихших палат по обоим сторонам.

Это место вдруг показалось Герману зловещим, словно он попал в узкий подземный туннель, уносящийся в таинственную молчаливую темноту, где вместо дверей палат темнели про-

валы древних гробниц, в сумраке которых терпеливо таилось нечто, ожидавшее его эти полтора года. А те двое больных, что прохаживались в дальнем конце коридора...

«Сегодня пятница, – наконец сообразил Герман, – после обеда почти все отправились домой».

Он медленно направился вдоль коридора, ожидая встретить медсестру или дежурного врача. Вокруг витали характерный запах больницы и еще какой-то. Какой именно, Герман не мог определить, но этот запах был ему знаком. Когда он прошел закрытую дверь со строгой табличкой «ОРДИНАТОРСКАЯ», резко усилился дух медикаментов, упреждавший, что следующей или через одну будет дверь процедурной, или перевязочной. И действительно – следующая дверь, приоткрытая на два пальца, словно приглашавшая войти, оказалась перевязочной. Герман ее отлично вспомнил, со всей обстановкой и стоящим в центре столом, напоминавшим операционный. В голове сами собой всплыли строчки:

...всех излечит, исцелит –
добрый доктор Айболит!

А затем почему-то:

ДОБРЫЙ ДОКТОР АЙБОЛИТ
В ПЕРЕВЯЗОЧНОЙ СИДИТ...

Перед глазами Германа вдруг появился образ доброго доктора, как на картинке в детской книжке, которая была у него когда-то очень давно. Маленький доктор в аккуратном белом халате весело улыбался, только его глаза оставались совершенно стеклянными, и в руке он держал не слушательную трубку, а огромный блестящий скальпель, с которого капало что-то красное, образуя у самых ног доброго доктора темно-бурую лужу.

...всех излечит, исцелит –
добрый доктор
А-аай! БОЛИТ!!!

Герман мрачно ухмыльнулся этому видению.
В ПЕРЕВЯЗОЧНОЙ СИДИТ...

Из-за ближайшей к нему двери раздался долгий приглушенный стон.

У Германа по спине пробежали колющие паучьи лапки; он почувствовал, как деревенеет кожа на его лице. В этот момент дверь резко открылась, едва не ударив Германа по плечу, и он едва удержался, чтобы не вскрикнуть.

Уже не молодая постовая сестра вынесла из палаты капельницу и посмотрела на Германа. На ее лице не трудно без труда читалось: «Ты еще кто такой? Мне хватает и того, что я должна выполнять чужую работу, таскаясь по всему отделению с этими проклятыми капельницами, потому что кое у кого чешется в одном месте. И эта дрянь сбежала на целый час до того, как закончилась ее смена. Так что лучше катись отсюда и не морочь мне голову, понял?»

– Сейчас не приемные часы. Кто вам нужен?

– Дежурный врач, – ответил Герман. – Или кто-то из...

– Не знаю, не знаю, где он, – она так замотала головой, будто все, что происходит в этой больнице, ее решительно не касается. – Приходите в другой раз.

«Убирайся отсюда, мне и без тебя хлопот хватает!»

Сзади донеслись шаги, и Герман с медсестрой одновременно повернули головы.

В отделение вошел мужчина в белом халате.

«А вот и добрый доктор».

Даже издали легко было определить, что он не относится к низшему медперсоналу. Он направлялся в их сторону. Его Герман не помнил.

– Вот он, дежурный врач, – сказала сестра, и, оставив Германа одного, отправилась вместе с капельницей по своим делам. Ножка штатива цеплялась за линолеум, издавая шипение раздраженной змеи.

Герман сделал несколько шагов навстречу врачу.

– А в чем, собственно, дело? – сразу же насторожился тот. Герман не был похож на больного, который задержался в отделении дольше остальных и не смылся с другими ходячими пациентами. Вполне ходячими, чтобы самостоятельно добраться домой.

«Да, я знаю, что не похож на тех, кого ты привык видеть здесь каждый день, добрый доктор. Не похож, по крайней мере, сейчас, а не полтора года назад. Но в действительности даже тот стонущий старик, которого ты сейчас осматривал, имеет больше шансов на жизнь через пять лет, чем я!»

– Я вас слушаю. – Док был уже заметно седеющим мужчиной лет за пятьдесят, полноватым, в очках с дымчатыми стеклами, почти такими же, как у генерала Пиночета, и точно такими, как у другого генерала – поляка Ярузельского.

– Полтора года назад, – начал Герман, видя свое двойное отражение в затемненных стеклах, – я был доставлен в это отделение. Острый аппендицит...

– Перитонит, – машинально отметил док.

– ...и прооперирован. Мне необходимо выяснить кое-какие детали.

– Угу, – качнул головой врач.

– Нужно просмотреть архивные данные, – пояснил Герман.

– Угу, – снова ответил док. – Ничем не могу быть полезен, – он развел руками, наглядно демонстрируя свою беспомощность. – Ключи от архива у старшей медсестры, на общей связке. А она теперь появится только в понедельник. Сожалею, молодой человек.

«Как же, на общей связке, козел».

Подобная тактика Герману была хорошо знакома.

Когда врач уже собирался сделать недвусмысленный жест, означавший, мол, «все вопросы на сегодня решены, не пора ли вам, молодой человек отправляться домой; приходите в понедельник, а еще лучше – никогда», Герман вложил в лапу дока десятидолларовую купюру.

– Я бы хотел выяснить интересующие меня детали без лишних проволочек. Вы меня понимаете?

На сей раз врач проявил к Герману более живой интерес. Теперь он его отлично *понимал*.

– Минутку, – он сунул деньги в карман халата. – Я посмотрю...

Дежурный док прошагал по коридору, открыл ключом дверь с надписью «ОРДИНАТОРСКАЯ» и скрылся за ней.

– Вам повезло, молодой человек, – заявил он, вернувшись через минуту. – Ключи оказались на столе.

Затем бодрым шагом повел Германа в архив.

«Разумеется, они оказались на столе».

Это был самый крошечный архив, который ему доводилось видеть: казалось, здесь негде было одновременно развернуться даже двум паукам, прилипшим к потолку у самого плафона, внутри которого находилась тусклая сорокаваттовая лампочка. Когда док включил свет, насекомые лениво дернулись, но остались на месте. По сути, это была просто маленькая кладовка, в которую какому-то умнику пришло в голову впихнуть стеллаж, забить его под самую завязку картонными папками и затем гордо назвать этот паучинный рассадник архивом.

– Вы что, не можете приобрести компьютер? – спросил Герман, глядя на эту чудовищную тесноту.

– Не хватает средств, – док вошел первым и едва втиснулся между стеллажом и стеной.

Герман подумал, что если последует за ним, паукам придется потесниться. Оставшись в дверях, он оперся о косяк.

– Полтора года назад? Значит... март или апрель, – проговорил док, роясь в каких-то пыльных папках с выражением, которое ясно говорило: «Нет, ты видишь, как я вынужден пачкать свой белый халат за твои несчастные десять баксов?!»

– Как ваша фамилия?

Герман назвал.

Док с громким сопением (вероятно, виной тому была пыль) копался минут десять, подолгу всматриваясь в каждую отобранную им папку и в каждую страницу отобранной папки, отчего у Германа возникло забавное подозрение, что тот разучился читать и пытается отыскать знакомые буквы.

– Э-э... – наконец произнес док и расправил свободной рукой загнутый уголок страницы. – Вот и ваша стационарная карта.

Герман непроизвольно весь напрягся: сейчас он узнает... сейчас он узнает... СЕЙЧАС...

На лбу выступил холодный пот, рубашка тоже моментально взмокла.

– Так, посмотрим... – бормотал док, а в линзах его темных очков Герман видел подпрыгивающие значки слов наоборот.

– Так... Диагноз... Острый перитонит... Проведена операция... Оперировал... Угу... Состояние удовлетворительное... Ага – вот как! На следующий день было ухудшение... Анализы... Проведено переливание крови в объеме...

– А что именно вас интересует? – он поднял глаза на Германа.

– Ничего... Я уже выяснил, – глухо отозвался Герман и без церемоний развернулся.

элементарно

Он вышел из старого больничного корпуса, еще польской постройки, и задержался на мгновение у входа, чтобы глотнуть влажный воздух: это был запах долгих дождей – чуть-чуть грустный, как прощальные духи уходящего лета. Небо еще оставалось чистым, но Герман чувствовал, что за самыми дальними крышами домов уже собираются серые клубящиеся тучи, объединяясь в гигантский мокрый кулак.

Машина ожидала Германа на стоянке, тремя кварталами ниже по улице. Он направился к ограде больничного двора мимо двух чахлах кленов, на которых взбалмошная ранняя осень, как проходивший мимо неряшливый художник, уже кое-где тронула листья красно-желтой краской.

«Элементарно – вот КАК» – подумал Герман.

* * *

– Ты оказался прав, парень, – они влили мне зараженную кровь.

«Элементарно, да?» – снисходительно усмехнулся Гера.

Выходит, именно так все и было: в тот день он часто терял сознание из-за мучившей его лихорадки, и все события первого (и частично второго) дня скрылись за мутной завесой бредовых видений, жара и боли. Он не помнил о переливании, и это было элементарно. Похоже, что позднее сообщить ему об этом либо *не посчитали нужным*, либо – просто забыли.

Добрые доктора...

Герман вытащил из шкафа большую спортивную сумку – старого путешественника, что уже много лет, медленно покрываясь пылью, дожидался своего часа. Он поставил сумку на пол. Вверх немного прогнулся, и, казалось, темно-синяя сумка с потертой надписью «МАСТЕР»

улыбается открытой молнией на боковом кармане, словно забытый друг, о котором неожиданно вспомнили: «Как в старые времена, Гер?»

Он начал укладывать вещи. Что ему может понадобиться? Только самое необходимое: пара сменного белья, свитер, спортивная куртка на случай ранних холодов, сигареты, да однодневный запас еды – несколько бутербродов, термос горячего кофе, три банки консервов... Сумка получилась легкой, чуть больше трех килограммов – в самый раз.

Герман грустно улыбнулся, поняв, что забыл одну простую вещь: он же собирается путешествовать машиной, сумка словно заставила его вернуться в те времена, когда он, бедный студент университета, брал с собой большого «МАСТЕРА» на отдых в Карпаты и на дружеские пикники за городом. Сейчас, в немногочисленных командировках, его сопровождала новая престижная сумка «Стентор», отстраненно наблюдавшая из-под вешалки за его сборами: хромо-вые пряжки тускло мерцали, отражая свет лампы в прихожей.

Герман присел у старого «МАСТЕРА», собранного в дорогу и ожидающе оттопырившего бок, и несколько минут вспоминал друзей-однокашников.

Наконец, проглотив мягкий ком, выпрямился и побрел в гостиную.

Аккуратно распределил по карманам все наличные деньги, которые находились в доме, а кредитные карточки и особо важные документы, лежавшие на столе его кабинета, спрятал в плоском сейфе-тайнике, гнездившемся в дне массивного аквариума, занимавшего почти четверть стены в гостиной. Рыбы удивленно глазели через толстое стекло на непостижимую для них процедуру, наводнившую шумом их крошечный мирок и почему-то не посылавшую ожидаемого корма.

Герман настроил таймер автоматической кормушки и выбил пальцами по стеклу короткую дробь – охраняйте! Мобильный телефон остался в ящике стола. Затем вышел в коридор, закинул на плечо «МАСТЕРА» (сумка дружески хлопнула его по спине) и направился к двери.

«А как же Я?! – негодуяще воскликнул маленький Гера. – Мах на мах – ты ОБЕЩАЛ!»

Герман вернулся к портрету и зачем-то повернул его лицом к стене.

От хлопка двери портрет слегка качнуло.

Казалось, он знал еще КОЕ-ЧТО.

Глава 2

Гера (I)

На дрожащей от сквозняка двери с тонкой серебристой трещиной в стекле покачивалось изображение Мишки – талисмана только что завершившейся московской Олимпиады. Одной лапой он придерживал висевший на шее любительский фотоаппарат, похожий на «Смену», другой – приглашал посетить салон желающих сбересть на память короткое мгновение этого дня.

Из распахнутого этажом выше окна доносилась веселая песенка «Смоки»: Крис Норман пел про хорошую девушку Алису, настолько хорошую, что ее стоило проводить до самых дверей; а с подоконника взирала на мир кошачья физиономия, щуря зеленые глаза на жарком августовском солнце.

Двенадцатилетний мальчишка, стоявший под дверями фотосалона, шлепал кедом о тротуар в такт музыке. Яркие знойные лучи заливали размягчившийся асфальт дороги, от которой вверх поднимался дрожащий, густо пахнувший воздух. Жара металась между едущими машинами, лезла прохожим за шиворот, и вместе со своей подружкой-пронирой – уличной пылью – устраивала людям привычные летние трудности. Она пыталась забраться в доверчиво открытые форточки, и, подпрыгивая с плиток тротуаров, дышала открытой печью в лицо. По одну сторону улицы тротуар делился узкой продольной тенью от идущих в ряд домов – прохожие, почти все как один, ныряли в эту освежающую спасительную зону.

Мальчишка тоже прятался в этой тени и часто оглядывался на дверь фотосалона: время от времени они поскрипывали, выпуская посетителей, и каждый раз разочарованно кривился – он ожидал друга битых полчаса и никак не мог взять в толк, чем вызвана эта странная задержка. Неужели, чтобы сделать фотографию, нужно столько времени? Но это было еще не все. Кое-кто, из вошедших позднее его товарища, уже покинули салон, он знал это точно – у мальчишки была хорошая память. Неужели все эти бессовестные взрослые лезли без очереди, оттеснив его друга! А тот тоже хорош...

Двери тонко взвизгнули на ржавых навесах, мальчишка обернулся, – и снова с досадой хлопнул ладонью о штанину. Его терпению близился конец. Он решил: если в следующий раз опять выйдет какая-нибудь жирная тетка, а не его друг, – то он отправится туда сам и разберется, наконец, что там происходит.

В общем-то, он давно бы уже сделал это, но полагал, что этот шаг может стоить ему серьезных неприятностей. В мае он едва не разнес стекло на дверях этого фотосалона мячом для большого тенниса. Слава Богу, стекло отделалось лишь трещиной (сейчас он мог в любой момент повернуть голову и снова вспомнить, как ему тогда повезло), а он – серьезным испугом. Уже через три секунды из салона выскочил разъяренный фотограф, и ему едва удалось от него удрать. Если бы в тот момент не было очереди желающих сфотографироваться, все могло закончиться по-другому. Мальчишке сначала надрали бы уши (причем все, кто мог позволить себе это удовольствие, – начиная с фотографа и заканчивая отцом; безусловно, к последнему посчитал бы своим долгом присоединиться еще и старший брат, в качестве дополнительной воспитательной меры), а его отцу пришлось бы потрясти кошельком за разбитую витрину (потом ему снова надрал бы уши отец, ну, и, конечно же, Старший Брат). Хотя с момента того злополучного броска мячиком прошло почти три месяца, он допускал, что если войдет в салон, фотограф его узнает и тогда... далее по списку, – где в конце, разумеется, Старший Брат.

Машинально отметив про себя, что стекло в двери фотосалона до сих пор почему-то не поменяли, мальчишка подумал о том, что беспокоило его в этот момент гораздо сильнее: как поступить, если он простоит здесь так же безуспешно еще полчаса или больше? Желание заходить в салон (если следующим окажется НЕ его Друг) после всех этих воспоминаний пропало.

Он вспомнил фотографа. У него тогда были просто бешеные глаза...

А может... – предположил он (и, не смотря на жаркую погоду, ему вдруг стало зябко), – может, фотограф – маньяк, который охотится на детей. Или, чего хуже, людоед. Хитрый тайный людоед под маской приветливого хозяина фотосалона. И никто об этом даже не подозревает! Разве эти взрослые способны догадаться или заметить такое? – нет, конечно. А он, тем временем, спокойно уводит детей из-под самого их носа. Он облизывает длинным языком свои острые зубы и ухмыляется: «Вам никогда меня не поймать, никогда не догадаться, я умнее вас...». Он разделяет детские тела у себя в кладовке или прямо в фотолаборатории (ведь там темно, и кроме него туда никто не заходит, разве не так?) маленьким кухонным топориком, а потом... Нет, еще, наверное, он все это фотографирует (ну да, конечно, ведь он же фотограф!), чтобы потом делать всякие гадости, а вот уже после этого... Господи, неужели его друг сейчас умирает (или уже мертв!), а он стоит здесь и... Ведь тот даже не догадывается, что фотограф... каннибал, как говорил его отец. Заманил доверчивого мальчишку в темную лабораторию. Там, в тусклой кроваво-молочной мгле от фотофонаря, с потолка, извиваясь, словно живые, свисают змеи негативных пленок. «Хочешь посмотреть, как я это делаю?» – вкрадчивым голосом спрашивает фотограф. И пока ребенок удивленно разглядывает разные хитрые приспособления, он тихо крадется к столу и выдвигает ящик. Его глаза ярко блестят тем же светом, что и красный фонарь, даже ярче; по уголкам рта начинает течь слюна. Он облизывает острые, как у акулы, зубы и плотоядно ухмыляется. Потом достает из ящика свой любимый разделочный топорик, тихо приближается сзади к ничего не подозревающему...

Дверь протяжно заскрипела.

Мальчишка обернулся и с облегчением выдохнул:

– Ну, наконец-то! А я уже думал...

– Чего? – нахмурился Гера и отпустил двери, которые сами захлопнулись с помощью примитивного устройства на пружине.

Геру заметно шатало, лицо было бледным, словно покрытым небольшим слоем воска; через согнутый локоть болтался небрежно скомканный школьный пиджак.

– Ну, у тебя и вид. Сколько мне еще здесь торчать? Скоро корни пуцу!

– Только без нытья. Мне пришлось хуже, – хрипло выдавил Гера.

Сказать правду, выглядел он ужасно.

– Это... фотограф? – глаза его друга расширились. Но что-то ему подсказывало, что фотограф здесь все же ни причем.

– Что? Да нет, – Гера устало отмахнулся свободной рукой. – Меня вдруг стошнило. Чуть не облевал весь пол в салоне. Пришлось отсидеться. А фотограф так испугался, что уже хотел вызывать «скорую». Вообще, хороший дядька. Зря ты ему тогда стекло разбил. Воды мне дал, – Гера замолчал на секунду. – Хотя, он какой-то странноватый, конечно...

Он стянул с шеи уже распушенный пионерский галстук и запихал в карман брюк.

Воспоминания о родителях, настоявших сделать портрет на память, вызвали новый прилив тошноты. «Гера! Как ты не понимаешь, это же останется на многие годы, – говорила мама. Вот именно, я до сих пор жалею, что не сделал фото в твоём возрасте», – поддерживал ее отец.

И вот, летние каникулы еще не закончились, а он должен, как идиот, напяливать школьную форму и тащиться в какой-то фотосалон (не дай Бог еще встретить по дороге знакомых!), да к тому же, в такую жару.

Друзья медленно направились вдоль улицы, стараясь вжаться в тонкую полоску тени от домов.

– Может, это жара? – предположил товарищ.

– Нет, это не жара, – Гера отрицательно мотнул головой; в его голосе звучала уверенность, а в глазах было такое выражение, будто совсем недавно он был чем-то сильно испуган, – не жара, это кое-что другое.

Друг с любопытством глянул на него:

– Расскажешь?

– Когда придем, – ответил Гера.

* * *

Они пролезли через дыру в рваной сетке забора, окружавшего детский сад. Игровая площадка была пустынна. В здании, стоявшем неподалеку от песочниц и качелей, похоже, также никого не было, кроме сторожа. Мальчишки пересекли площадку по диагонали, направляясь в сторону крошечного домика-теремка, стоящего в тени высокого раскидистого тополя. Солнечные лучи пробивали крону дерева и яркими длинными полосами ложились на домик.

Когда они приблизились вплотную, Гера (понемногу начавший приходить в себя) резко остановился и предостерегающе поднял руку. Мальчишки прислушались. Из-за теремка доносился едва слышный отрывистый звук, какой издают очень пожилые люди перед тем, как откашляться. Затем послышалась тихая возня и... все прекратилось.

Мальчишки молча переглянулись.

Гера пожал плечами, мол, мало ли что это могло быть.

Звук неожиданно повторился; сиплое сопение и возня на этот раз были слышны громче.

Гера вновь поглядел на друга, а тот пошарил по земле глазами, и, сделав осторожный шаг в сторону, поднял палку.

Он первым двинулся к углу теремка, за которым пряталось... это. Следом, стараясь ступать тише, шел Гера.

Он неожиданно толкнул товарища в спину, и тот вылетел вперед с криком, похожим на воронье карканье, неуклюже махая палкой над головой. А потом замер, глядя на то, что находилось за углом домика. Через секунду к нему присоединился Гера.

Они увидели пару дворняг, сваявшую поскуливающего в две глотки тянитолкая. Собаки беспокойно затоптались; та, что стояла мордой к мальчишкам, тихо заворчала, а другая, по всей видимости, сука, затравленно начала дергаться, пытаясь оглянуться.

– А ну, пошли отсюда! – товарищ Геры снова замахнулся палкой.

«Тянитолкай» испуганно присел, вжав обе головы, но остался на месте.

– Да ладно, оставь их, – посоветовал Гера, к которому вдруг начало возвращаться мрачное настроение. – А то сторож услышит.

Палка отлетела к забору. Мальчишки снова обошли теремок, вернувшись к входу, и по очереди влезли внутрь почти игрушечного строения.

Выпрямиться в полный рост здесь было невозможно, но зато было удобно и уютно сидеть. Из маленьких окошек умиротворенно струился уличный свет, жары не здесь не ощущалось. Этими летними каникулами мальчишки приходили сюда часто.

Гера смотрел себе под ноги, что-то вычерчивая носком по усеянному песком дощатому полу; его друг вынул из кармана две помятые сигареты «Космос», которые стянул накануне из отцовской пачки, и протянул одну Гере. Тот неловко подставил руку и чуть не уронил сигарету на пол.

– Так что произошло в фотосалоне?

Гера оглянулся на двух пробежавших мимо входа собак, и, немного подумав, сказал:

– Это объектив... все из-за него. Туда смотришь... Это как взгляд в будущее. Понимаешь?

Друг слегка разочаровано пожал плечами.

С видом заправских курильщиков они растянули по сигарете и некоторое время пыжились, сдерживая кашель от первой затяжки: кто не удержится – тот слабак.

Гера шмыгнул несколько раз носом и закашлялся.

– Да не переживай ты, – товарищ похлопал его по колену. – Блеванул – и полегчало. Все это фигня.

Гера мотнул головой:

– Нет, не фигня – это... было.

– Было – что?

– Понимаешь, короткий щелчок... возникает глаз диафрагмы. Он расширяется. Я это *видел*. Кажется, что этого не может быть, но я видел – он расширялся очень *медленно*. А потом мне показалось, что я куда-то перемещаюсь. Будто что-то происходит и со мной, и со временем. Мне показалось, что я... – Гера взволнованно затянулся сигаретой. – Что я пробыл очень долго в каком-то *другом* месте.

– Что-что? – переспросил друг.

– Это как... не знаю... это что-то странное. Иногда у меня появляется такое ощущение, когда я фотографируюсь, совсем немного. Но сегодня...

– Тогда не фотографируйся больше, вот и все.

Гера глянул на товарища так, будто перед ним сидел самый непроходимый тупица в мире.

– Блин! – да разве дело в этом?

Он сплюнул на пол и растер влажную песочную кашицу.

– Понимаешь, такое ощущение, что ты много-много лет торчишь на какой-то стене и смотришь, смотришь... И это продолжается очень долго, наверное, десятилетиями.

Его товарищ хрюкнул от смеха, но, увидев лицо Геры, изобразил серьезную мину. Гера сделал вид, будто не заметил этого.

– Когда все это закончилось, меня стошнило.

– Ну, допустим. И где же ты был?

Гера не смог определить, подтрунивает ли его друг, или интересуется всерьез. Он почесал ухо и затер окурочку под скамейкой.

– Ну, когда щелчок аппарата замолкает, или... прекращается, – не знаю, как сказать это правильнее – это трудно вообще объяснить словами. В общем, ты словно возвращаешься назад и все забываешь.

– О чем?

– Черт! – да о годах!

– Висения на какой-то стене где-то в будущем?

– Наконец-то... дошло, – выдохнул Гера.

– А может, валяния в старом пыльном альбоме? – продолжил перечислять друг. В уголках его глаз плясало лукавство.

– Альбоме? – Гера секунду подумал. – Нет, на стене. Точно. Да и фото было на портрет.

– Ты что, хочешь сказать...

Гера усиленно закивал.

– А может, это фотограф виноват? Даже тебе он показался странноватым. А я вообще думаю, что он ненормальный. Я думаю, он – кан-н-нибал, – последнее слово друг Геры произнес уже шепотом.

На миг обоим мальчишкам стало страшно в этом полутемном, несмотря на солнечный день, тихом домике.

– А знаешь, – продолжил тот, – когда я стоял под салоном, и тебя долго не было, то подумал... Слушай! Все эти твои ощущения... Может, он подсыпает какой-то порошок, чтобы...

– Куда подсыпает? – перебил его Гера.

– Ну, как куда? Давал он тебе что-то пить, или нет?

– Да когда это было! Уже после всего, – отмахнулся Гера.

– Да пошел ты... – обиделся друг. – Сам всякое мелешь... объектив... будущее... стена...

Гера сжал кулаки:

– Я думал, тебе можно...
– Ерунда все это! Так не бывает!
– А *каннибалы*?!!
– Это же обыкновенный фотоаппарат. Щелк! – и все. Одно мгновение. А ты о каком-то конце, начале... Щелк! Невозможно уследить. Годы! Ха!
Гера пожал плечами и как-то сразу сник.
– Может быть, мне и правда, все это показалось. Может быть, оно все так и вышло...
Алекс.
– Как? Кто? – удивился тот.
– Алекс... а что?
(шелк!)
– Постой, почему ты меня так назвал?
– Не знаю... Знаешь, я сразу и не заметил, как это у меня вырвалось, – пробормотал Гера.
(шелк!)
– Ты никогда раньше меня так... Звучит непривычно, как-то по-иностранному.
Гера вдруг усмехнулся:
– А знаешь, между прочим, неплохо – Алекс! Ха! Александр или Алекс – какая разница?
Так даже лучше.
(шелк!)
– Вот черт! А где это ты подцепил? – спросил «новоокрещенный» друг.
Гера на секунду нахмурился.
(ЩЕЛК! ЩЕЛК! ЩЕЛК!)
– Может быть, сегодня, – медленно сказал он. – В бесконечном путешествии по будущему?
– Ну... тогда с возвращением! – Алекс схватил его за плечи и повалил. – Зачем ты меня толкнул тогда?

* * *

Через три дня портрет был готов.
Гера держал его в вытянутых руках, рассматривая свое лицо, запечатленное на снимке.
Всю дорогу домой он гадал, каким тот вышел. Гера хорошо помнил свое состояние в момент съемки. Оно было...
Он тихо открыл дверь своим ключом, осторожно, чтобы не создавать шума, разулся и на цыпочках пробрался в свою комнату: как назло, фотограф выписал ему талон на 17-30, и родители были уже дома – а он хотел увидеть портрет первым. Тихо закрыл дверь своей комнаты и начал распечатывать пакет из черной плотной бумаги, который упрямо не хотел поддаваться.
Гера настороженно отметил про себя: зачем было прятать портрет в конверт, да еще заклеивать его, – а если бы ему захотелось посмотреть на месте? Тогда пришлось бы разрывать все это прямо там. Но большой запечатанный пакет будто бы говорил: «Раскрой меня только дома и никому не показывай фото, пока сам не убедишься, что ты не похож на чудовище. Чтобы успеть уничтожить до того, как его увидит кто-нибудь другой».
Это еще больше усилило подозрения Геры – должно быть, он настолько плох, что фотограф не решился отдать ему портрет в открытом виде! Это означало, что родители обязательно пошлют его переделывать фотографию, чего он отчаянно боялся. При одном только воспоминании о расширяющемся (как пасть!) зрачке диафрагмы, подступала отвратительная тошнота. Черная Дыра за линзой объектива, готовая вырваться наружу.

Бумага вся измялась, но продолжала держаться. Эти черные фотоконверты всегда напоминали Гере пакетики для рвоты, которые выдают в самолете, только без специфического запаха и другого цвета. Он летел самолетом всего один раз, в шестилетнем возрасте. Самого полета он почти не запомнил, но вот пакетики... – ведь это же совсем другое дело, правда?

Наконец, он справился с упрямой бумагой, сунул руку в конверт и нащупал картонку: одна сторона ее была немного шершавой, другая – гладкой и скользкой. Несколько секунд он просто держал руку в пакете, чувствуя подушечками пальцев обе стороны картонки. Потом решительно извлек портрет из конверта и вытянул на руках перед собой.

Несмотря на все опасения Геры, портрет вышел неплохим. Это и утешало и одновременно заставляло недоумевать. Его лицо на фотографии почти улыбалось (не было и намека на ужас, который он испытал в фотосалоне), а в глазах (Гере показалось, что они постоянно чуть-чуть меняют выражение), в глазах был даже интерес к чему-то (происходящему?) перед ними.

«Взгляд в будущее...» – всплыли в памяти его собственные слова.

Если это так, то ТАМ должно было что-то случиться, – решил Гера, – и не просто «что-то», а НЕЧТО!

С ним? Что-то странное? Или даже страшное?

Впрочем, – подумал он, – увидеть будущее – это уже НЕЧТО...

Гера положил портрет на свою кровать и осмотрел комнату, подыскивая место, где лучше его пристроить.

(щелк!)

Возможно, это и хорошо, что он забыл об уведенном ТАМ. В свое время, через годы или десятилетия, ОНО все равно непременно...

* * *

Как он того и ожидал, родителям портрет понравился. Они повесили его на стену напротив кровати Геры.

«Вот это – другое дело, сынок! Теперь у тебя останется *память!*»

Вечером, когда он погасил свет и лег спать, фотография темнела на стене черным рельефным прямоугольником, словно провал, что разверзся в бездонный континуум Времени. Гера вглядывался в эту пропасть... Той ночью он долго не мог уснуть. Казалось, что прямоугольник начинает постепенно терять правильные очертания; его края плавно колыхнутся и медленно расплзаются по стене жадно чавкающей массой, неумолимо пожирающей комнату и Настоящее, подбираясь к самому Гере.

Будущее всасывало беспомощную перед Временем Вселенную в свой бесконечный Туннель...

ЩЕЛК!

Глава 3

Погребальное турне: начало

В нескольких километрах за чертой города Герман остановил «BMW».

Он вынул из бардачка суконную тряпочку и вышел из машины; протер ветровое стекло. В двадцати метрах находилась заправка. Со стороны Киевской трассы она была ближайшей к городу и, вероятно, последней, на предстоящем пути Германа, отрезком в пятьдесят, а, может быть, и сто километров. Конечно, он мог и ошибаться – эта трасса была Герману плохо знакома – и следующая, а за ней и другие станции, могли попадаться каждые час-полтора езды. Но он не был в этом до конца уверен. Особенно, если учесть, что его предстоящее путешествие не располагало к регулярным заботам такого рода, как поиск горючего.

Герман открыл багажник, вынул две канистры по двадцать литров и направился к заправке.

Уже темнело. Над площадкой станции минуту назад загорелись неоновые огни, от которых колонки ошетинились серыми круговыми тенями, словно невиданных размеров морские ежи. Над крышей станционной конторки светилась желтая реклама фирмы «Shell»; из открытого окошка кассы доносилась музыка на волне «Радио-Люкс»: крутили «На железных собаках» – хит «Братьев Карамазовых».

Герман расплатился с хмурым типом, высунувшимся в окошко только после настойчивого стука костяшками пальцев о стекло, когда «Братья Карамазовы» успели закончить первый куплет. Одутловатая физиономия кассира выглядела так, будто тому пришлось оторваться от более насущных дел, чем работа.

Машин на станции, видимо, давно не было. Пока Герман отправлял свой бумажник на место, а кассир выписывал чек, сквозь музыку послышался женский голос, как ему показалось, слегка пьяный. Герман взял чек, чтобы тут же отправить его в урну, по всей видимости, для того здесь и стоявшую в качестве серьезного дополнения к основному сервису: «Вам, конечно, ни к чему этот жалкий клочок бумаги, если им нельзя даже подтереться».

Герман поднял с земли пустые канистры и направился к колонкам. Кассир буркнул ему вслед порядковый номер – Герман готов был поспорить, что ширинка у того оставалась не застегнутой.

Он сунул раструб «пистолета» в горлышко канистры и услышал, как бензин наполняет емкость; звук показался ему очень громким, неестественным. Как давно он уже не выезжал за город?

Голос, не к месту многословного ведущего, оборвал «Карамазовых» в середине последнего куплета и взхлеб начал сообщать слушателям об условиях нового телефонного конкурса. Герман поморщился. Он не был поклонником творчества группы «Карамазовых», но в этот раз ему почему-то показалось, что они исполняли «На железных собаках» именно для него: общий смысл песни был далек от его жизни в настоящем времени, но что-то зацепило Германа в словах «...догонит меня...».

Когда он начал наполнять вторую канистру, у ведущего закончился приступ словесного поноса (в короткой паузе Герман расслышал женский смех, просочившийся через открытое окошко кассы; так могла смеяться только *настоящая* шлюха, через секунду ее голос перекрыл один из старых хитов «Spice Girls»).

Он закончил наполнять последнюю канистру и вернулся к машине. В быстро сгущающихся сумерках «BMW», стоявший на обочине дороги, выглядел грустно и одиноко. Герман положил обе канистры в багажник и на секунду обернулся, чтобы увидеть огни города.

Затем сел за руль.

* * *

Примерно через час езды Герман задумался.

Конечно, вся эта затея с поездкой была совершенно бесцельной в смысле достижения какого-то определенного пункта. Она преследовала совсем другую цель. Однако даже на этом ее этапе следовало определить, куда он едет, знать хотя бы направление. Примерно. То, что его темно-зеленый «BMW» (сейчас практически черный) наматывает километры по Киевской трассе, вовсе не означает, что существовал или уже существует какой-либо план. Герман просто-напросто использовал ближайшее шоссе, выводившее за пределы города, не задумываясь.

«А разве подобный экспромт не именно то, что делает любое путешествие – настоящим путешествием?»

Возможно, но не в его случае. В данном случае.

Он не может подобно Дон Кихоту колесить по всей стране на своем «BMW», как на старой испанской кляче герой Сервантеса, и сражаться с ветряными мельницами в его собственной голове. Иначе уже очень скоро окажется в психушке в компании других Великих Путешественников.

Впрочем, эта поездка преследовала одну цель, конкретное ее название Герман сформулировал как МОЕ ПОГРЕБАЛЬНОЕ ТУРНЕ, – и этого ему было достаточно. Как и ответа на «зачем» – «мне это просто нужно, вот и все». Он чувствовал, что к нему, наконец, возвращается ощущение реальности, кажется, впервые с момента получения результатов анонимного теста. Поэтому он должен определить маршрут своего движения (если не сегодня, то не позднее, чем завтра утром), и не только это – он просто обязан знать, сколько времени продлится его Турне. Вся штука в том, – Германа все сильнее наполняло чувство реальности, – что жизнь будет продолжаться в привычном для нее направлении, независимо от того, как он будет реагировать на сложившиеся обстоятельства, *что* будет при этом думать и *как* поступать. Это была правда – его собственная или объективная – не важно. Главное, она состояла в том, что он должен будет вернуться обратно в старую жизнь, и, возможно, еще долго жить этой жизнью, и не смотря на все чертovy вирусы на Земле, он будет что-то делать, – хочет он того, или нет, – и это была ПРАВДА. И ему совсем ни к чему превращаться в загнанное животное, которое мчится, не разбирая дороги и ничего не замечая перед собой, кроме собственного страха.

Герман заметил, что за время его размышлений стрелка спидометра медленно сползла до отметки 50 километров в час, и добавил газу.

Итак, не позднее, чем завтра утром он уже будет знать, куда направятся колеса его «BMW». Если потребуется купить новый дорожный атлас, то он сделает и это. А так же спланирует, сколько времени (плюс-минус один день) продлится его отсутствие в городе.

Все, а теперь *хватит!* – приказал он себе. – Хватит об этом!

Было уже совсем темно. Поток встречных машин постепенно становился все реже, пока совершенно не иссяк. В течение довольно длительного отрезка пути мимо него промчался только один дальнобойный грузовик-рефрижератор. Его мощные фары на мгновение ослепили Германа и исчезли где-то сзади, оставив в его глазах медленно гаснущие пляшущие пятна.

Герман посмотрел на светящийся циферблат вмонтированных в приборную панель часов: почти половина первого ночи. И еще по привычке сверился со счетчиком километров (он сбросил трехцифренное вспомогательное окошко на «ноль», когда отъехал от заправочной станции за чертой города), – он успел проехать почти две сотни километров. Не так уж и много... Впрочем, какое это имело значение?

Герман понял, что ехать сейчас уже нет смысла (тем более что своего реального маршрута он еще не спланировал). Да и пора отдохнуть. Вероятно, внутренние часы уже давно пытались ему об этом напомнить, но он их не замечал, как увлеченный интересным сном человек не

замечает тарыхтение глупого будильника, который добросовестно сообщает, что пора бы его хозяину заняться более важными делами.

Все верно, на сегодня хватит, – решил Герман.

«Угр-р-р...» – согласился с ним его желудок, – кстати, когда он в последний раз ел?

Герман подумал, что будет лучше остановиться вне пределов какого-либо населенного пункта. Так было безопаснее – он ведь, разумеется, собирался провести ночь в машине; искать гостиницу в подобном месте было попросту глупо. Он представил себя стучащим в какую-нибудь темную хату почти в час ночи и усмехнулся.

Он проехал еще минут десять, так, чтобы с ближайшим селом (которое выдавали в ночной темноте всего два одиноких огонька) его разделяло не меньше семи-восьми километров. Он, конечно, понимал, что весь мир не идеален, но, как и всякий стопроцентный горожанин, не имевший корней (ближайших, по крайней мере) в народе, испытывал особое недоверие к людям, живущим вдали от основной цивилизации, да еще на их территории.

Герман ехал медленно, и именно это спасло жизнь какого-то выскочившего на дорогу зверька, возможно, зайца, прибежавшего со здешних полей поглазеть на городского парня. Герман даже не успел притормозить; серое тельце зверька промелькнуло в свете фар и исчезло.

Наконец, он съехал с дороги и остановился.

Включив свет в салоне, он достал из Большого «МАСТЕРА», который всю дорогу трясся на заднем сидении, как безмолвный пассажир, свой импровизированный ужин. Измученный желудок сначала недоверчиво принял пищу, а потом активно взялся за дело.

Выпив горячего кофе из термоса, Герман вышел из машины по малой нужде. Откуда-то издали долетал голос цикады, ей вторили два или три сверчка где-то у самой машины Германа. Он направился к ближайшим кустам, темневшим размытой массой в нескольких шагах от «BMW», на ходу расстегивая ширинку. За кустами едва различались силуэты высоких деревьев. Судя по шуму листвы, колышимой слабым ветерком, там начинался лес. Небо было кое-где затянуто тонкими перистыми облаками, сквозь которые проглядывали многочисленные звезды (даже в такую погоду их можно было увидеть куда больше, чем в городе в самую прозрачную ночь). Герман прибил на своей щеке комара, выкинул окурок и начал орошать куст.

И вдруг его вырвало.

Это произошло без всяких позывов, спазм или даже намеков на тошноту. Его просто вывернуло так же быстро и легко, как хитрый мешочек фокусника с двумя окрашенными в разный цвет сторонами – за одну секунду весь его ужин оказался под ногами. Это произошло так неожиданно, что Герман обмочил себе руку.

Чертыхаясь, он вернулся в машину, стараясь ни к чему не прикасаться мокрой рукой, и достал из бардачка тряпку, которой обычно протирал стекло.

Наверное, ничего удивительного в этом не было. Скорее, это было даже закономерно: именно так и мог закончиться один из самых долгих и сумасшедших дней в его жизни. Этот день был невероятно тяжелым для Германа; уже просто *дожить* его до конца – граничило почти что с подвигом. С самого утра он планировал эпохальный разговор с Алексом, (один только он, состоявшийся чуть позже в офисе компании, стоил Герману один Бог знает чего), затем он просидел не менее двух часов в баре, ломая голову, какой следующий шаг ему предпринять в ближайшем будущем. Потом испытал безумный натиск на свои мозги назойливой необходимости выяснить ответ на вопрос КАК (и – о чудо! – ему это удалось), пережил ужасные полчаса ожидания в не менее ужасной больнице, общаясь с «добрым доктором». И, наконец, после всего этого провел несколько часов за рулем своей машины, отправившись в веселое, как полуразложившийся труп, Погребальное Турне. И вот теперь он здесь.

Господи, – подумал Герман, неловко пытаясь извлечь непослушными пальцами сигарету из пачки, – неужели все это произошло сегодня... всего за *один* день?!

И вот теперь он здесь, и нет ничего удивительного, что его вывернуло, как пустой целлофановый мешок на ветру – возможно, это была наименьшая цена, которую он мог заплатить за этот день.

Ему неожиданно вспомнился один почти забавный эпизод, когда он, Алекс и еще несколько их общих друзей по факультету лет десять назад (ну да, они тогда учились на предпоследнем курсе) отправились устроить небольшой пикничок на загородных озерах под Винниками, что в 15 километрах от Львова. Тогда они и впрямь славно повеселились, набравшись до самого животного состояния, в каком Герман был способен себя упомнить (кажется, он даже мычал). Но всех их, несомненно, превзошел Алекс, – умудрившись не только обрыгать себя с ног до головы, но и ДВАЖДЫ опорожниться себе в штаны. Следующие несколько дней после этого тот провел в самом угрюмом расположении духа, не без оснований переживая, чтобы за ним теперь не приклеилась кличка вроде «засранца» или «говнюка». Он почти каждый час звонил Герману домой, чуть ли не вымаливая очередное «честное благородное» слово, что тот никому и никогда не расскажет о случившемся. Уже гораздо позже Герман узнал, что за молчание остальных Алекс расплатился деньгами. Сейчас это воспоминание доставило Герману особенно тонкое удовольствие.

Он автоматически затушил сигарету в пепельнице и открыл дверную форточку, чтобы выпустить дым наружу.

Только теперь он по-настоящему ощутил, какая нечеловеческая усталость овладевает его телом и разумом.

Громко шурша крыльями, в открытое окошко водительской двери влетела большая ночная бабочка, привлеченная светом в салоне...

...Внезапно Герману стало плохо. Невыносимо. Его голова словно оказалась в безжалостных стальных тисках, готовых в любую секунду расколоть череп на бесконечное количество мелких осколков. Он чувствовал, как его глаза начинают медленно вылезать из орбит, и если это продлится достаточно долго – они запросто лопнут, как два яйца, сжатых в сильной руке.

У него вырвался сдавленный, почти беззвучный стон. Боже, что со мной?! – вспыхнуло в онемевшем сознании. – Что происходит?! Он думал, что знает, что такое плохо, знает, что такое сильная и даже едва выносимая боль. Но только сейчас понял...

Он впился в свое лицо руками.

«ЕСЛИ ЭТО ПРОДЛИТСЯ ЕЩЕ ХОТЯ БЫ НЕСКОЛЬКО СЕКУНД...»

Глава 4

Алекс в ярости

Утром, после ухода Германа из офиса, Алекс был чрезвычайно подавлен. Он резко отвечал на любые телефонные звонки, вскакивал при каждом постороннем шуме за дверями его кабинета и курил одну сигарету за другой.

Не смог он успокоиться и вечером, когда вернулся домой. С самого порога рывкнул на жену; та молча удалилась в самую дальнюю комнату и тихо провела там весь вечер, зная, что в такие моменты лучше не раздражать мужа своим присутствием.

Алекс долго галопировал по всей своей огромной квартире в поисках чего-то, чего сам не знал. Из-под спадавших на лоб прямых темно-русых волос его глаза, казалось, были готовы испепелить взглядом все, что окажется на их пути. Наконец, он влетел в свой кабинет и зашагал из угла в угол.

Как он посмел?! Этот тюфяк всем был обязан *ему*! Мало ли что именно Герману принадлежала идея основать их компанию, которая теперь процветала, все равно это он – именно он! – отыскал и вложил в дело почти девяносто процентов начального капитала (в отличие от Германа, который кинул с гулькин нос). Именно Алексу пришлось порядочно потрясти всех своих родственников – от ближайших до седьмой воды на киселе – богатых дядюшек, тетюшек, зажиточных дальних родственников жены и прочих. Перед каждым, разумеется, пришлось унижаться, смахивать пыль с их обуви, дарить щедрые подарки их драгоценным чадам – маленьким неблагодарным ублюдкам...

Какое Герман имеет моральное право теперь так с ним поступать?!

Алексу на миг вспомнились глаза и выражение лица его партнера и друга.

Возможно, у Германа и возникли кое-какие проблемы – он явно многого не договаривал.

Алекс плюхнулся в кресло перед рабочим столом и поморщился: как назло, еще и задница болела. Половину прошлой ночи он провел на унитазе, сражаясь с сильнейшим запором, и вышел победителем. Когда, наконец, из него вывалилось что-то огромное и тяжеленное, обдав снизу брызгами воды, он почувствовал себя матерью-героиней, но взглянуть на результат этих маленьких родов так и не решился. Теперь задница ныла, будто его изнасиловал целый барак зеков. Алекс вспомнил вчерашние потуги и усмехнулся: жаль, он не поэт – в мире стало бы на одну поэму больше.

Ладно, он даст этому сукину сыну одну... ну, две недели.

А вообще, ему плевать с высокой башни на проблемы Германа, когда речь заходит о благополучии компании.

Черт! – но, как назло, именно в его руках находятся главные, жизненно важные нити всего бизнеса, и во многом от присутствия Германа зависел успех дела.

Две недели...

А если тот не вернется – Алекс начнет принимать меры.

Сначала, конечно, он просто ему «намекает». Но, если «намеки» не дойдут, он возьмется за него круче.

Время от времени Алекс поглядывал на телефон – может, все удастся утрясти гораздо проще? Но он был почти уверен, что Германа не окажется дома, или тот просто не станет снимать трубку. Он был также уверен, что, если Герман уже куда-то уехал, то оставил свой мобильный телефон где-нибудь в ящике стола.

Он выкурил до часа ночи полпачки сигарет и, в конце концов, набрал номер мобильного телефона Германа.

Тот не отвечал.

Глава 5

Погребальное турне: окончание

...Внезапный приступ отступил. Это произошло так же мгновенно, как началось. Приступ оставил после себя отвратительную тошноту, не сравнимую ни с каким похмельем, и зудящее покалывание во всем теле тысяч крошечных иголок. Герман даже не мог определить, сколько времени продолжался приступ – несколько мгновений или несколько минут?

– Что это?.. – он отер с лица обильно выступивший пот и тяжело откинулся на спинку сидения. В глазах плавала приборная панель, словно он видел ее сквозь воду, по которой катятся волны.

Герман ощутил во рту гадкий привкус чего-то настолько отвратительного, названия чему он даже не представлял. Но примерно через минуту он с удивлением обнаружил, что этот странный привкус исчез.

На Германа навалился тяжелый липкий ужас. Наверное, он испугался бы куда меньше, если бы увидел выползающего из темноты перед его машиной тоскливо воющего монстра. С этим он хотя бы мог как-то бороться – запустить мотор «BMW» и впарить газу, но...

«...догонит меня...»

Вот оно? Уже?! *Началось?!*

Герман попытался закурить, однако после первой же затяжки его едва снова не вырвало. Он хотел потушить сигарету в пепельнице и не смог; даже это потребовало стольких усилий, сколько он не был в состоянии себе позволить. Длинный окурочек остался тлеть в своей будущей могиле.

Так что же все-таки случилось? Было ли это очным знакомством с его *вирусом*?

От испуга его дыхание производило судорожные свистящие звуки; грудь часто и резко вздымалась.

Почему так скоро? Не успело пройти и... Ах да! – он узнал о присутствии вируса в его организме всего два месяца назад, но мог быть инфицирован уже не один год. Полтора года, если быть точнее. Он просто не знал, вот и все.

«Вот именно, почему бы ни начать как раз сегодня? Чем этот день лучше или хуже тех, что были или будут? Может быть, для него сейчас самое подходящее время, а?»

Герман с большим усилием отрегулировал кресло, переведя то в лежачее положение, вынул из Большого «МАСТЕРА» спортивную куртку и попытался укутаться. Погода за бортом машины была довольно теплой, не смотря на ночь, но Германа била крупная дрожь. Он вытянулся на сидении и закрыл глаза.

Снаружи проникал шелест листвы сотен деревьев; он напоминал шум морского прибоя в ветреную погоду – не очень громкий, но мощный, словно таящий в себе какую-то таинственную, на время притихшую силу. Откуда-то из темной шуршащей травы в него вклинивался неровный стрекот кузнечика, как излишне торопливое гитарное соло в исполнении неопытного музыканта. Под капотом «BMW» лениво посвистывал ветер; время от времени пощелкивал уже почти остывший двигатель, трудившийся много часов подряд. В салоне машины Герман чувствовал себя, как космический путешественник в своем спецвоздеходе, очень надежном и очень уютном (большой мотылек, сидевший на спинке соседнего кресла, только усиливал это чувство). Вокруг расстилалась таинственная ночь неизвестной планеты, и только здесь, внутри, можно было быть уверенным, что ты в безопасности. Постепенно с Германа сходило нервное и физическое напряжение. Он в безопасности. Теперь он в безопасности. Все прошло. ОНО – то непонятное, что случилось с ним недавно – уже закончилось. У него действительно был невероятно тяжелый день. Похоже, это был обычный физический срыв. Ничего больше. Это не обязательно должен быть проснувшийся вирус. Он просто воспринял случившееся в

чересчур преувеличенном свете, под влиянием всей этой непривычной для него обстановки: он совершенно один, вокруг на многие километры его окружает почти что дикая природа, ночь... Конечно, все это могло запросто найти выход в виде таких проявлений.

Возможно, у него резко подскочило кровяное давление. Что он может знать о таких вот припадках? Толком – ничего. Тем более что он знает о *вирусах*? о ВИЧ? Конечно же, снова ничего. А что он знает *вообще* обо всем этом, чтобы начинать строить всяческие предположения, подобно знахарю-недоучке из глухой деревни, где верят в лепесток цветка Чудотворной Петрушки или в разгневанный Дух несправедливо рано зарезанного поросенка на прошлой неделе, черт возьми! Что он знает, чтобы лепить из притянутых за уши аргументов идиотскую версию, что его знание теперь каким-то образом *провоцирует* инициацию вируса? Он просто ведет себя как паникер: в соседнем доме кто-то выпустил газы, а ему уже слышится Гром Небесный!

Злость на себя помогла Герману почти целиком вернуться в нормальное состояние.

А теперь ему требуется хороший сон.

Герман снова почувствовал, как на него наваливается неимоверная усталость, на время отступившая перед страхом, вызванным приступом, но теперь она была уже готова как следует взяться за каждую клеточку его измученного тела.

Он потянулся, чтобы выключить лампочку салонного освещения и вдруг увидел свою руку. Конечно, он видел ее и раньше, но теперь он действительно ее *рассмотрел*.

Внутри у Германа будто что-то оборвалось.

Он медленно поднес к свету другую руку. Они обе тряслись от волнения; кончики пальцев трепетали, как лапки большого агонизирующего насекомого.

«Господи, я же тут один... совершенно *один!*»

Руки выглядели так, словно двадцать минут пробыли в горячей воде. Герман интуитивно понял, что совсем недавно они показались бы ему еще хуже, потому что сейчас они *проходили* – это было похоже, как если бы после трети часа пребывания в очень горячей ванне им дали некоторое время обсохнуть, и кожа успела восстановить почти что прежние гладкость и цвет. Герман не знал, как давно это творилось с его руками. Он лихорадочно пытался вспомнить, было ли в его руках что-то странное, когда он в последний раз подкуривал сигарету (ведь тогда руки долго находились перед глазами, достаточно долго, чтобы заметить такие серьезные изменения, несмотря на слабое освещение). И все же – видел ли он это хотя бы краем глаза, видел и просто не придавал особого значения, приняв за какую-нибудь тень, но что-то такое, о чем можно было бы судить теперь? Потому что сейчас они *проходили*...

Память оказалась бессильной.

Не смотря на сильное утомление, Герман продолжал держать руки перед маленькой лампочкой внутреннего освещения, пока, наконец, не сообразил, что они стали нормальными. И начал проваливаться куда-то в другую реальность, где нет ни света, ни звуков, ни мыслей...

Он упал на спину, взмахнув рукой, но так и не попал по выключателю.

Его поглотил тяжелый бездонный сон, будто над головой с мягким хлопком сошла густая болотная жижа.

Глава в главе

...она услышала Его, хотя было еще очень далеко – что-то усиливало Его запах; она была слишком стара, и ей оставалось совсем не долго; вся ее жизнь прошла в нескончаемом поиске того, что она никогда сама не знала; у нее был лишь ее Голод, который только сам мог подсказать, как его удовлетворить; он был постоянен с момента ее рождения и первым ощущением в ее жизни был тоже он; когда миновало почти все отпущенное ей время, она поняла, что Голод станет также и последним, что она будет чувствовать, умирая...

и вот, вдруг, она услышала Его, когда ее время почти вышло, и начала двигаться по запаху – да, это то, что может удовлетворить ее Голод...

но что-то усиливало его...

она приближалась, и он становился сильнее и сильнее; скоро она уймет свой Голод и почует в покое...

и вот она на месте; возможно, до нее тут успели побывать и другие, хотя сейчас она никого не слышала; но что-то подсказывало ей...

она погрузила клюв в теплую мякоть, где находилось То, Что насытит ее Голод...

но что-то...

железы послали вперед свое содержимое...

ее охватило ликование – сейчас!..

неожиданно она остановилась – Древний Инстинкт загородил ее желание...

здесь была Хворь, она должна умереть голодной...

Погребальное турне: завершение окончания

Герман проснулся оттого, что кто-то или что-то временами касалось его лица. Снаружи было уже утро. Он приподнялся и посмотрел на часы, вмонтированные в приборную панель «BMW»: ровно девять часов. В салоне машины еще витала прохлада прошедшей ночи; воздух наполнял запах травы и старого сигаретного пепла.

«Кем-то», разбудившим Германа, оказалась большая ночная бабочка, залетевшая через открытую ветровую форточку еще ночью. Герман аккуратно выпроводил ее, открыв дверь машины, и вышел сам. Секундой позднее он спохватился, ощупал лицо – форточка оставалась открытой всю ночь, – чем, без сомнений, должны были воспользоваться все кровососущие насекомые в округе. Однако он не обнаружил следов каких-либо укусов. Затем подошел к кустам, чтобы справить утреннюю нужду; он старался встать так, чтобы его скрыла машина – в двух десятках метров позади него находилась трасса, на которой сейчас было оживленное движение.

Затем Герман вернулся в машину, сделал пару глотков чуть-чуть остывшего кофе из термоса и закурил. Во всем теле ощущалась странная ноющая слабость с примесью неестественной легкости, словно земное тяготение уменьшилось на треть.

Он внимательно осмотрел свои руки, вспоминая, что ему довелось пережить ночью. Руки выглядели сносно. Сейчас Герман чувствовал себя спокойно. Что бы ни произошло этой ночью, он дожид до утра и может спокойно все обдумать. Сначала нужно решить, будет ли он продолжать это Турне или же должен вернуться домой? Если Турне закончилось, – то каков его следующий шаг? Его Герман собирался обдумать во время поездки, но планы, кажется, менялись. Возвращаться к работе в компании, особенно после недвусмысленно закончившегося разговора с Алексом, смысла не имело, да и не хотелось.

«Не уходи от Главной темы... – прозвучал обличающий шепот в его голове. – Рано или поздно, но тебе все равно *придется* думать об этом; не пытайся обмануть самого себя, ведь ты уже начал *понимать*...»

Чтобы прогнать или хотя бы приглушить этот шепот, Герман снова вышел из машины.

Солнце еще пряталось в покачивающихся верхушках леса, окрашивая деревья в тона от ярко-оранжевого до темно-пурпурного. День предстоял не жаркий и не холодный – нормальный день для начала сентября.

«И начала финансового года...» – Герману вспомнились слова бывшего шефа и бывшего друга. Дерьмо! Сейчас он это понял. Вся его жизнь именно дерьмо, сплошное и окончательное. Бизнес, деньги, бизнес... – одна и та же погоня за одним и тем же. Осознание этого произошло само собой, легко и естественно. Только, – подумал Герман, – слишком поздно... наверное, слишком поздно.

Он пытался отвлечь себя планированием каких-то несущественных дел, но что-то продолжало настойчиво шевелиться в его сознании, словно он сделал какое-то важное открытие, но еще не осознал его полностью. Или не решается это сделать. Скорее всего, причина была в догадке, которая осенила Германа еще ночью, в тот самый момент, когда он проваливался в сон. Но он не решался сейчас ухватиться за эту мысль. Может быть, потому что с одной стороны она обнадеживала, с другой – казалась невероятной. Слишком невероятной.

А еще она пугала.

* * *

«BMW» выбрался с обочины на шоссе и свернул направо, набирая скорость в направлении Львова.

Герман машинально покрутил настройку приемника, поймал какую-то волну, передававшую песню из кинофильма «Генералы песчаных карьеров». Мимо проносился сельский пейзаж; кое-где высились двухэтажные особняки зажиточных фермеров. Между селами тянулись участки посевных полей; на некоторых происходило еще какое-то движение. Вдоль дороги он иногда обгонял местных жителей, идущих пешком или едущих на велосипедах. Когда закончилась песня из «Генералов песчаных карьеров», без переходного вступления ведущего зазвучала шутливая песенка «Это любовь», а следом за ней еще одна «Что ты имела?..» в исполнении все того же «Несчастливого случая». (Герман усмехнулся: похоже, у бедолаги ведущего случилось несварение желудка – пока он не может выбраться из туалета, диск продолжает крутиться).

Он снизил скорость до 80 километров в час и, поглядывая на дорогу, чтобы вовремя пропускать обгонявшие его машины, разглядывал уже подзабытый загородный пейзаж. Между тем, его неотступно преследовало впечатление, что он просматривает дневной вариант своего вчерашнего путешествия, снятого на киноленту и прокручиваемого в обратном направлении.

«Что ты имела в виду-у!..» – неслось из динамиков.

Он потянулся за пачкой сигарет, лежавшей на переднем пассажирском сидении. И вдруг заметил, как в зеркальце заднего обзора мелькнуло... чужое лицо.

«Что ты имелаа-а?!..»

Мгновенно позабыв о сигаретах, Герман резко выпрямился.

«Что ты имелааа-а?! Аааа-а!!..»

Он испытывал острое желание оглянуться назад, но вместо этого вырубил приемник.

Герман еще несколько секунд продолжал вести машину, зафиксировав замерзший взгляд в точке, которая находилась в пяти метрах от передних колес «BMW». Несущийся навстречу асфальт шоссе почти загнипотизировал его...

«...Аааааа-а-а-а!!!!!!» – все еще вопил у него в голове голос Кортнева.

Герман буквально заставил свою ногу ударить по тормозу. На миг ему даже показалось, что нога не желает подчиняться.

«BMW» издал тошный скрип, машину едва не развернуло на 90 градусов. По счастью, в тот момент сзади никого не оказалось, чтобы войти в жесткий контакт. Ремень безопасности едва не вдавил грудь Германа в позвоночник.

За ту долю секунды, пока он поворачивал голову назад, в его мозгу успел пройти целый геологический период, словно его разум ускорил в несколько тысяч раз мыслительные процессы; сотни вопросов уже получили сотни предполагаемых ответов, а воображение успело нарисовать множество возможных картин и их дальнейшее развитие в нескольких направлениях.

Однако... на заднем сидении никого не оказалось.

Где-то на дальнем плане через окно был виден черный извилистый след от стертых покрышек.

Галлюцинация?

Герман отстегнул ремень безопасности, потер ноющую грудь, затем снова повернулся назад и для верности заглянул за спинки кресел.

Никого.

Что-то вновь зашевелилось в его подсознании, на сей раз гораздо сильнее и настойчивее. Он сделал медленный глубокий вдох, потом – выдох; сердце стало понемногу замедлять ритм.

Сзади просигналила какая-то машина.

Герман, как во сне, завел «BMW» и съехал на обочину.

Он не хотел верить в то, что увидел в водительском зеркальце, он *не желал* в это верить! Но его руки ночью...

«Не пытайся обманывать себя, ничего из этого не выйдет. Ты отлично знаешь, *что* ты видел. Ты не можешь себе бесконечно врать, что ни о чем таком не начал догадываться еще

прошлой ночью. Это было и продолжает происходить. И все это время ты об этом *знал*! Будь мужчиной и посмотри наконец правде в лицо».

Герман медленно протянул руку к водительскому зеркальцу и повернул его на себя.
Да, это был он.

* * *

На оставшемся до города отрезке пути Герман заставил «BMW» показать все, на что тот был способен; временами стрелка спидометра переваливала за отметку 180 километров в час. Когда-то именно так загоняли лошадей (благо мощный мотор «BMW» мог разогнаться и за 200, если бы покрытие дороги было лучше).

Герману потребовалось около получаса, чтобы вновь взяться за руль, тем не менее, он несколько раз едва избежал столкновения при обгоне с несущимся по встречной полосе транспортом.

Перед глазами с детальной четкостью продолжала стоять картина, которую продемонстрировало водительское зеркальце.

Да, это был он. И это не было ни галлюцинацией, ни случайной игрой воображения.

Когда зеркальце рассказало Герману, каким за ночь стало его лицо, наконец, все то, что пыталось достучаться из его подсознания, сумело вырваться на поверхность. Он не мог больше заставить замолчать вопившие в его голове голоса, которые настойчиво твердили о том, что он понял еще ночью. Утром он вел себя, как человек, которому переехал ноги трамвай, но он продолжает убеждать себя, что ужасная боль это просто от ушиба и его ходули на месте, в то же время понимая, что если он приподнимет голову, то увидит...

Когда он снова увидел свое лицо, то не смог удержаться от крика. Не потому, что оно стало другим или, вернее, не только потому. Его заставило закричать именно то, что оно было узнаваемо, – прежде всего это. Если бы его лицо изменилось настолько, что он не смог бы признать его своим, то все, наверное, воспринялось бы иначе. Но в том и был весь ужас: изменения коснулись того, что ему было знакомо, – его собственное лицо, которое за все годы жизни он знал и изучил больше и лучше, чем что-либо другое. Оно состарилось. Так, будто за одну ночь он повзрослел лет на двадцать пять или тридцать. Примерно вот так он мог бы выглядеть в пятьдесят пять-шестьдесят, имея уже научившихся хулиганить внуков.

Однако оно не просто постарело – оно стало... Несколько минут Герман с ужасом рассматривал свое лицо в зеркальце (в этом присутствовала даже некоторая доля злой иронии: в маленьком прямоугольнике он мог видеть только небольшую часть лица – отдельно глаза, или рот, или скулу... потом все это приходилось складывать в воображении в одну картину, как увлекательную мозаику на досуге). Затем Герман начал ощупывать его рукой; сначала одной, потом двумя одновременно. Ладони скользили по одрябшей потускневшей коже, задерживаясь в тех местах, где попадались особенно глубокие и неестественно рельефные морщины. Он осторожно касался набухших под глазами мешков, будто боялся, что от неосторожного движения они могут лопнуть, и по его щекам растечется что-то мерзкое и липкое.

И еще седина. Ее было много: почти все волосы на голове стали белыми, как у Барби-блондинки; седина тронула даже щетину, отросшую за двое последних суток.

Это лицо было ужасно, не просто старым – в нем проступало что-то отвратительное, вызывающее тошноту, что-то, поднимающееся откуда-то из глубины. Так мог бы выглядеть очень неудачно загримированный под старика молодой человек, вот на что это было похоже.

Всю дорогу Герман невольно поглядывал на свои руки. Конечно, *теперь* он замечал разницу. Они, как и прежде, держали руль привычной хваткой – сверху, близко одна к другой, – но они не были теми же самыми. Они были испачканы в дороге, однако никакая грязь не могла этого скрыть.

«Они не были грязными, Герман, они не были *настолько* грязными, чтобы ты не заметил этого еще утром. Ты просто НЕ ХОТЕЛ этого *замечать!*»

* * *

Да, за секунду до его провала в забытие минувшей ночью, Герман успел подумать, что его вирус может оказаться не обычным видом СПИДа. Какой-нибудь новой «модификацией», усовершенствованной мутациями или чем-то другим из того же разряда. Старый «добрый» ВИЧ не мог заявить о себе подобным образом, и если Герман уже заболел, – не мог прогрессировать с такой скоростью! И потом, Герман никогда раньше не слышал и не читал о том, чтобы этот вирус заставлял больных стареть. Конечно, любой, переносящий тяжелую и неизлечимую болезнь человек, может сдавать прямо на глазах, – но *не так!*

Это определенно было похоже на какую-то чудовищную мутацию. Загрязнение окружающей среды химическими промышленностью, ядерные испытания, радиоактивные осадки, Чернобыль... да и кто знает, сколько всего могло вызвать такие изменения в этом чертовом вирусе! И не только в нем, ведь почти каждый год яйцеголовые с удивлением обнаруживают все новые виды таких давних друзей человечества, как гепатит или даже грипп! А может, они и сами помогают появляться на свет божий этим новым вирусам в своих чертовых лабораториях.

Господи, – Герман отер стекающий на глаза пот, – неужели мне достался один из тех ужасных мутантов?.. Вирусы – это ведь даже не совсем живая материя, – вспомнил он из давнего, как Потоп, курса биологии. Выходит, у него какая-то мгновенно протекающая форма «нового» СПИДа, который способен убить его буквально за один день... в лучшем случае, за два... *Господи!*

Герман опять начал поддаваться растущей в нем панике.

Не заезжая домой, прямиком ворваться в первую попавшуюся клинику с криками о помощи? Или вернуться домой и уже оттуда вызвать «скорую», а потом объяснить ребятам, что он стал старше в два раза за одну ночь? Размахивать перед ними паспортом, как сигнальным флагом, доказывать, устроить торжественный просмотр фотографий? Что еще, черт возьми?! Пока истина начнет доходить хотя бы до одного человека, ему давно уже будет забронировано комфортабельное место на полке в морге!

Нет, он лучше примет неизбежное, находясь в собственном доме. И...

«А если это вообще НЕ ВИЧ? Ты об этом думал? Если проверочный тест ошибочно принял *нечто*, пробудившееся в тебе этой ночью, за вирус СПИДа? Но, на самом деле, это... разве ты не подумал об этом почти сразу, когда увидел свои руки? – сначала рвота, затем тот мучительный припадок, а под конец – эти, словно отмоченные в горячей воде, руки? Разве нет? Ты *думал* об этом. И тебя это испугало».

Герман снял одну руку с рулевого колеса и уже в который раз провел ладонью по правой половине лица. Потом резко одернул ее и вцепился пальцами в правое бедро.

* * *

Он остановил «BMW» перед въездом на стоянку, которая находилась в нескольких минутах ходьбы от его дома. Ворота стоянки были открыты, но стальная цепь, исполнявшая роль импровизированного шлагбаума, осталась натянутой поперек дороги, загораживая въезд. Герман посигналил; и тут же пожалел об этом.

Тяжелые потрясения способны влиять на людей по-разному. Иногда они могут заставить целиком поменять взгляды на самые главные в жизни вещи, изменить привычки, мышление и даже характер. Но никакое, самое ужасное потрясение не в силах вынудить человека перестать следовать повседневным мелочам. Лежащий на смертном одре часто просит закрыть дверь,

чтобы не сквозило, или проверить оплачен ли последний телефонный счет; он отдает последние распоряжения и почти всегда – это какая-нибудь *мелочь*.

У Германа не возникло даже намека на мысль бросить машину где-нибудь на улице или просто оставить у своего дома. Накрепко зацементированная в сознании необходимость следовать привычным мелочам привела его к воротам стоянки.

Любой из трех, работавших посменно сторожей обычно узнавали «BMW» Германа еще издали и приветственно махали рукой. Когда машина просигналила, на дальнем конце стоянки появилась фигурка человека, в котором Герман узнал Севу – отставного военного, получавшего за работу на стоянке некоторое дополнение к своей пенсии. Тот помахал рукой и направился к воротам.

Герман чертыхнулся, что вовремя не сообразил выбрать другую стоянку для «BMW». Сева мог его узнать и...

Он не стал представлять, что могло из всего этого получиться. Пока тот шел к сторожке у ворот, чтобы опустить цепь, Герман быстро открыл бардачок, молясь о везении. К счастью, большие темные очки оказались на месте; на полке перед задним стеклом он взял валявшуюся с давних времен джинсовую кепку. Все это Герман водрузил себе на голову и мельком глянул в водительское зеркальце: в немного пасмурный день такой прикид выглядел странновато, но что возьмешь со старого чудака, который просто еще не понял, что лето закончилось на прошлой неделе.

Цепь опустилась, и Герман заехал на стоянку, лихорадочно выдумывая легенду. Кто он? – сослуживец, которого попросили сделать одолжение пригнать машину, пока Герман занят неотложными делами? Знакомый?

Он выбрал свободное место (оно было не тем, где Герман обычно ставил свою машину), затем вышел из машины, закрыл дверь на ключ – все это он старался проделывать как можно медленнее – легенда еще не была придумана.

В конце концов, он направился в сторону выхода. Ему навстречу, как обычно, торопился Сева. Почти всегда, когда Герман пригонял на стоянку «BMW», они минут десять-пятнадцать обсуждали последние новости, если сторож не заводил свою излюбленную тему о длившихся еще перестановках в армии после развала огромной страны (всего несколько лет назад он командовал танковым полком).

Между ними оставалось не больше двадцати шагов, а Герман все еще искал подходящий вариант своей легенды. Сева улыбался; он был невысоким, ладно сбитым стариканом, успешно сохранявшим военную выправку после тридцати лет службы. Конечно, он узнал Германа издали не только благодаря машине, но еще и по фигуре, когда тот вышел из «BMW».

Сева уже переключал ключи от сторожки из правой руки в левую, чтобы поздороваться с Германом, но когда между ними осталось несколько шагов, на его лице промелькнула тень удивления.

– Гер... – выражение удивления сменилось замешательством, но он все еще продолжал улыбаться по инерции.

Герман тоже выдавил улыбку, и тут его осенило:

«Он узнал твою машину и, конечно же, знает тебя, – но Сева никогда не видел твоего отца – импровизируй!»

– А вы, наверное... Сева? – стараясь говорить как можно естественнее, начал Герман. При этом он пытался слегка изменить свой голос (к его удивлению это получилось очень естественно; О Боже! неужели болезнь уже затронула и голос?!) – Герман сказал мне, что сегодня, скорее всего, будете дежурить вы.

Сева молча разглядывал Германа.

– Это... мой сын, – пояснил тот.

Выражение сторожа несколько изменилось, он кивнул:

– А-а...

– Он передавал вам привет.

– А, да-да, спасибо, – сторож снова улыбнулся. – Вы удивительно похожи с сыном. Просто невероятное сходство. Издалека я принял вас за него.

– Да, я так и понял. – Герман почувствовал облегчение, словно сдал невероятно трудный экзамен по актерскому мастерству. – Нас часто путают.

Герман сделал вид, что чрезвычайно торопится, и протянул руку:

– Рад был познакомиться... Спокойного дежурства.

– Спасибо, – Сева ответил крепким рукопожатием. – Передавайте Герману привет.

Герман кивнул и направился к открытым воротам.

Сторож проводил его взглядом. В глазах отставника мелькнуло сложное выражение: что-то подсказывало ему – что не все, произошедшее здесь минуту назад, было *правдой*. Потом, когда спина «отца» Германа скрылась за поворотом улицы, он пожал плечами и направился к дежурке.

Только оказавшись за поворотом, Герман смог нормально перевести дыхание. Вскоре за деревьями, образовывавшими небольшую аллею, показался его дом. Он прибавил шагу, мечтая как можно быстрее укрыться от посторонних глаз.

Герман, вот твое Убежище...

Наконец он вошел в дом.

Его Погребальное Турне завершилось.

Он как раз открывал верхний замок своих дверей, когда услышал шаги на лестнице – кто-то спускался сверху. Герман одной рукой проверил, не видны ли сзади его белые волосы, выглядывающие из-под кепки, покончил с верхним замком и занялся нижним. Шаги уже раздавались прямо за его спиной; он напрягся, ожидая, когда они начнут удаляться, и надеясь, что это не окажется хорошо знающая его словоохотливая соседка. Или сосед.

Герман сделал последний поворот ключа и взялся за ручку двери.

Шаги сзади замедлились.

– Здравствуйте, Гера!

Герман мысленно чертыхнулся. Это была соседка из квартиры двумя этажами выше. Одинокая сорокалетняя женщина, довольно состоятельная (впрочем, все жильцы в доме Германа были людьми состоятельными, – он строился по специальному заказу; строительная компания начала собирать средства с будущих жильцов еще за полгода до начала строительства). Длинные языки судачили, что наследство досталось ей от бывшего мужа, который сначала выгнал ее за измену, а потом умер от инфаркта во время бракоразводного процесса. К «языкам» Герман не прислушивался, однако липкий взгляд Лизы не оставлял шансов на сомнения, в чем именно причина ее внимания к нему. При каждом удобном случае она старалась завести с ним разговор, не важно, на какую тему. Главным было – в конце пригласить его к себе «на чашку кофе», и Герман это прекрасно понимал. Однажды он, и правда, едва не принял одно из таких приглашений, но перед тем как нажать на кнопку звонка ее дверей, передумал и, тихо ступая, вернулся к себе.

– Здравствуйте, – ответил он, не поворачивая головы. Дверь его квартиры уже приоткрылась.

– Я вижу, были на отдыхе.

– Да, проветрился немного.

Его голос *действительно* менялся! – с холодком в душе отметил Герман.

«Да отцепись же! Проваливай! Иди к черту!»

– Вы не больны? – почти с натуральным с беспокойством спросила Лиза, которая вовсе не собиралась никуда «проваливать»; еще бы, упустить такой повод могла только старая дева на восьмом десятке, разбитая параличом. – Мне не нравится ваш голос. Кажется, вы простудились. Хотите, я...

– Нет, не хочу, – внезапно обрадовался Герман. – Я болен... и ужасно устал. Хочу быстрее оказаться в постели.

– Я могла бы вам принести... – не сдавалась Лиза.

– Нет, я уже все купил, – отрезал Герман и похлопал по Большому «МАСТЕРУ», словно демонстрируя, что скупил половину аптеки.

«Господи, ее даже не смущает, что я все время стою к ней *спиной!*»

– А может...

Но Герман, наконец, решительно толкнул дверь вперед.

– Извините... – он ступил на свою территорию и, не оборачиваясь, захлопнул дверь.

Лиза что-то еще говорила, однако Герман ее уже не слушал.

Он оставил «МАСТЕРА» под вешалкой в прихожей, а сам, не разуваясь, прошел в кухню и тяжело опустился на табурет. В голове шумело. И он даже знал, почему.

Я болен... Я ужасно болен...

Глава 6

Герман сомневается

В постель Герман ложиться не собирался, хотя его состояние явно ухудшалось. Оказавшись на кухне, он вспомнил, что с самого утра (а сейчас было около половины четвертого после полудня) ничего не ел, если не считать пары глотков подстывшего кофе и остатка бутерброда, которые он закинул в желудок еще утром в машине. Герман открыл холодильник, пробежал взглядом по полкам, соображая, что приготовить на обед, и обнаружил, что совершенно не голоден.

Он захлопнул холодильник и почувствовал, как к нему возвращается ощущение странной легкости, испытанное сегодня утром на обочине дороги.

Герман присел на табурет, опершись локтями о стол, и закрыл глаза. На какую-то секунду ему действительно захотелось оказаться в постели, но... Мог ли он позволить себе это сейчас?

Через несколько минут состояние, когда кажется, что Земля решила поиграть со своим притяжением, прошло; во рту у него снова появился неприятный привкус.

Он подошел к коридорному зеркалу и высунул язык. По краям языка образовался толстый слой грязно-серого налета; Герман провел пальцем, и он размазался, как паста. Его едва не стошнило прямо на пол. Он быстро прошел в ванную и усиленно начал вычищать рот зубной щеткой.

А потом его все равно вырвало... Основательно. Хотя он практически ничего не ел с самого утра. Он с угрюмым удивлением рассматривал в унитазе вращающиеся на поверхности воды сгустки, которые напоминали свернувшуюся кровь. Что-то подобное он выковыривал из дырки в десне, когда ему вырвали зуб – Герман поддевал маленькие скользкие шарики языком и выплевывал в умывальник. Тогда ему было пятнадцать или шестнадцать. В первый момент, когда Гера ощутил в кровоточившем отверстии что-то скользкое и упругое, он испугался, подумав, что врач, рвавший зуб, перестарался и оторвал от десны кусочек мяса. Действие новокаина тогда еще полностью не закончилось, и он мог проверить это только на ощупь. Он достал первый сгусток и некоторое время растерянно смотрел на него, не зная как поступить. А потом неожиданно нащупал языком еще один... Когда появился следующий, он все понял.

Сейчас эти странные сгустки напомнили Герману ту историю с вырванным зубом. Только эти были гораздо крупнее и... зеленоватого оттенка.

Выглядело это крайне отвратительно.

Герман нажал на рычаг спуска воды, и она смыла этот кошмарный натюрморт. Туалетную комнату заполнил тяжелый неприятный запах.

Интересно, что показал бы анализ? – подумал Герман, слушая, как журчит вода в наполняющемся баке унитаза.

АНАЛИЗ!

Он быстро перешел в гостиную и снял трубку телефона. Номер телефона Герман запомнил на всю жизнь.

Итак, сегодня суббота, вторая половина дня, но оставалась некоторая доля вероятности, что пункт анонимной проверки крови на СПИД еще мог работать. Сейчас он был уже почти уверен, что его состояние никакого отношения к вирусу ВИЧ не имеет. Что бы там ни окопалось в его организме, тест ошибочно (трижды!) принимал это за СПИД. Но, когда он проходил тест, *это* еще вело себя тихо – теперь же, когда *она* «проснулось», результат мог измениться.

Герман почувствовал всколыхнувшуюся надежду – если это не ВИЧ, то, возможно, его болезнь *излечима*! Однако сразу же вспомнились зеленоватые сгустки в унитазе, и надежду вытеснил страх.

Здесь твое Убежище, только тут ты в безопасности...

Он помедлил еще несколько секунд, затем опять снял трубку телефона и набрал первую цифру.

«Но ты не подумал вот еще о чем, – это был голос Независимого Эксперта, – твой вирус может действительно оказаться каким-нибудь ВИЧ-мутантом. И пусть даже этот анонимный тест его «не узнает» – что от этого изменится? Кроме того, – допустим, это совершенно иной вирус, – какая гарантия, что и он не является смертельным?»

Старина Эксперт умел поддерживать в трудную минуту.

Герман опустил трубку телефона на рычаг и поднялся.

Так что ему делать?

Допустим, его организм разрушает один из страшных мутантов ВИЧ, но вероятность этого была очень мала. Знаменитый вирус, как Герману было известно, воздействовал, прежде всего, на иммунную систему. В его же случае...

«А может, он ускоряет процессы старения организма? – именно этот вариант мутанта? Что ты на это скажешь?»

Герман задумался. Нет, это было не просто старение, достаточно было посмотреть в зеркало, чтобы понять.

Это было... была... какая-то другая...

ХВОРЬ

Слово само всплыло в голове. Как зимний утопленник в начале весны.

Герман сделал несколько шагов к окну; в этот момент отчаянно захотелось увидеть хоть кого-нибудь.

На площадке перед домом около дюжины мальчишек из средних классов гоняли в футбол на одни ворота; под деревьями, исполнявшими роль ворот, маленькой горой возвышались сложенные портфели и сумки. Малорослому худенькому вратарю доставались подзатыльники от игроков обеих команд, когда грязный старый мяч залетал в ворота.

Герман отвернулся от окна и снова подошел к телефону.

Он хочет знать – вот и все. Просто знать...

На другом конце провода долго не снимали трубку, и Герман уже решил, что сегодня пункт работал только до обеда. Но на восьмом или девятом гудке ему ответили. Пункт работал. Еще Герман узнал, что он будет открыт до семи вечера, потом возобновит анализы только в понедельник; однако последнее Германа мало интересовало. Во-первых, он собирался получить результаты теста еще до закрытия сегодня; во-вторых, понедельник находился в невообразимо далеком будущем, как в романе Уэллса.

Герман сразу начал собираться.

Когда он взялся за ручку входной двери, то неожиданно сообразил, что затея не так уж легко выполнима, как думалось вначале: пункт находился довольно далеко от его дома, а «BMW» остался на стоянке. Возвращаться за ним Герман опасался, чтобы лишний раз не сталкиваться с Севой или каким-нибудь другим сторожем. Значит, придется добираться своим ходом – двумя видами общественного транспорта – и если ему снова станет плохо...

Герман внимательно прислушался к своему нынешнему состоянию. Хотя это, конечно, еще ничего не означало, – достаточно было вспомнить, сколько неожиданностей вирус успел выкинуть только за последние четырнадцать часов.

Однако сейчас ничего подозрительного Герман не ощутил и решил рискнуть.

Он вышел на лестничную площадку и секунд десять постоял, прежде чем закрыть дверь, чтобы успеть шмыгнуть назад, если кто-то из соседей окажется поблизости. Особенно Герман не хотел встречаться второй раз за день с Лизой; побеседовать, стоя к ней спиной, вряд ли бы снова удалось.

Все было тихо; какое-то движение происходило только шестью–семью этажами выше. Но это его не беспокоило, главное, чтобы никто не заметил его выходящим из квартиры. Сейчас, в

больших темных очках и с пышной седой шевелюрой на голове, его могли узнать только близко знавшие Германа люди.

Он избежал нежелательных встреч не только при выходе из дому, но и по дороге к остановке трамвая.

* * *

До пункта, где проводился анонимный тест, Герман добрался без особых приключений. Если не считать одного момента, который его неприятно поразил.

По дороге от остановки к станции переливания крови, где в небольшой пристройке, мостившейся к зданию, располагался тест-пункт, Герман решил зайти в магазин, чтобы купить сигарет. Перед входом в магазин сидел привязанный к фонарному столбу огромный пятнистый дог. Когда Герман приблизился, здоровенный пес сначала пристально посмотрел на него. Взгляд собаки был почти человеческим: «Эй, проходи спокойно, я не укушу, представляешь, что выйдет, если я испробую на прочность чью-нибудь шею?» Затем, когда Герман подошел еще ближе, пес усиленно зашевелил носом, и в его глазах промелькнуло нечто, похожее на испуг. Наверное, так оно и было, потому что когда расстояние между ними сократилось до одного метра, огромный дог прижался к столбу и заскулил, глядя на Германа взглядом затравленного щенка. Герман не помнил, чтобы его когда-нибудь боялись собаки. Кусали – да, но чтобы вот так...

Он вошел в магазин с неприятным холодком в груди, а когда вышел обратно, дога уже не было.

Вдоль фонарного столба, как сброшенная змеиная шкура, свисал оборванный поводок...

Войдя в пристройку тест-пункта, Герман с удовлетворением отметил отсутствие очереди. В комнатке, напоминающей процедурный кабинет, у него взяли десять кубиков крови. Когда он раскатывал обратно рукав, то заметил, что медсестра, освободившая его от лишних десяти кубических миллиграммов крови, морщит нос, но старается делать это незаметно для Германа.

От него шел запах.

Он происходил из-под рубашки (Герман не снимал ее со вчерашнего дня). Теперь и Герман ощутил его. Похожий на тот, что был в туалете, когда его вырвало.

Неужели он весь так *смердит* под одеждой?

Герман как можно быстрее застегнул рукав рубашки и натянул сверху свитер. Затем глянул на часы и спросил медсестру, когда вернуться за результатом.

Ответ был – в понедельник.

Герман едва не закричал.

В ПОНЕДЕЛЬНИК?!

Если до этого времени вирус его не убьет, будет ли он способен добраться сюда в понедельник? А если да, как тогда он будет выглядеть? Вообще, известно ли ему, с какой скоростью продвигается его старение? Герман, не без оснований, полагал, что оно происходит рывками, короткими периодами активных процессов; он посмотрелся в зеркало последний раз перед уходом из дому и никаких изменений не заметил. Но это, конечно, не означало, что они не произойдут до понедельника, а до понедельника с ним могло произойти что угодно.

«Послушай, а разве не все равно, узнаешь ли ты результаты этого чертового теста – или нет?»

А может, тебе устроить очередную ссылку, дружок? – мысленно обратился Герман к сующему нос во все дела Эксперту.

Тот умолк.

– Послушайте... – обратился Герман к медсестре и закашлялся, – послушайте, мне срочно нужны результаты этого теста. Почему только в понедельник?

Та сочувственно посмотрела на Германа и ответила:

– Сегодня суббота, лаборант ушел сразу после обеда, мне жаль.

– А не мог бы кто-то... – начал Герман.

Медсестра отрицательно покачала головой:

– Он специалист. Никто, кроме него, из здешнего персонала не имеет права работать в лаборатории. Я тоже. К тому же, даже если бы удалось кого-нибудь найти на станции переливания крови, что находится рядом, в основном здании, – наш лаборант всегда забирает ключи от своего кабинета с собой.

Герман резко выдохнул.

Снова закрытые двери... ключи... (неужели он посещал «архив» больницы, в которой ему делали операцию, всего лишь... *вчера?*)

Все повторялось снова, только в несколько ином варианте.

И здесь определенно пахло Айболитом.

Он полез в карман брюк, где находился бумажник, но на полпути остановился и посмотрел на медсестру. Нет, она явно не принадлежала к племени Добрых Докторов; она говорила правду.

– Спасибо, – с трудом произнес Герман. – Во сколько мне придти... в понедельник?

– В любое время, – сказала сестра. В ее глазах он снова прочел неподдельное сочувствие, – видимо, она догадалась, что Германа привело сюда не праздное любопытство (что, впрочем, наверное, было не трудно), как большинство других, и его спешка... И еще она его не осуждала, ее глаза оставались спокойными и добрыми.

– В любое время, – повторила она. – Лаборант приходит за час до открытия. Народа сегодня было не много. Приходите с самого утра, ваш тест будет уже готов.

Герман вдруг понял, что, если задержится тут еще хотя бы на минуту, то обо всем расскажет этой незнакомой женщине с удивительно добрыми глазами.

– Спасибо... извините... – Герман быстро вышел, надеясь в душе, что если доживет до понедельника и вернется сюда, то попадет на ее смену.

* * *

Это был самый кошмарный, самый долгий вечер в его жизни. Время тянулось мучительно, превращая мгновения в минуты, а минуты – в часы.

Герман сидел перед включенным телевизором, но совершенно не улавливал смысл происходящего на экране. Вместо агентов ФБР Скалли и Малдера, активно бравших за задницу очередного монстра, он видел, будто на сменяющихся слайдовых картинках, отражение разных частей своего лица в маленьком квадратике водительского зеркала; зеленоватые сгустки слизи в унитазе; сморщенные, как от воды, руки; двух пауков, мостившихся у тусклого пыльного плафона на потолке в каком-то ужасно тесном помещении; добрые глаза немолодой медсестры; лицо Алекса, говорящего о начале финансового года; какой-то старый фотоаппарат на треноге с непропорционально большим объективом, в глубине которого чернела, медленно расширяясь, черная точка; оборванный кожаный поводок, свисающий вдоль фонарного столба, как дохлая змея...

* * *

Около двенадцати часов ночи Герман вспомнил, что так ничего и не ел сегодня. При этом его желудок хранил совершенное молчание. Германа это обстоятельство немного удивило, но

не более того, – чем дальше развивалось его знакомство с вирусом, тем больше он терял способность удивляться.

Сильнее его тревожило другое: он не только ничего не ел, но и не *пил*, у него даже не возникало такого желания.

Он выключил телевизор с помощью пульта и взял с журнального столика квадратное зеркало на пластмассовой подставке, чтобы вновь проверить, насколько далеко зашли его дела. В сравнении с тем, как выглядело его лицо утром, дальнейших изменений он пока не обнаружил. Через секунду Герман резко отвел взгляд от своего отражения из-за сдавившего горло чувства и вытянул руку, чтобы поставить зеркало на место. В последний момент рука дрогнула, и зеркало, пролетев мимо журнального столика, разбилось.

* * *

В половине первого он вспомнил, что, после возвращения домой, он собирался принять ванну. Он уже почти не ощущал идущего от него запаха, даже когда снял рубашку, но все равно решил помыться, хотя бы ради того, чтобы найти себе, наконец, осмысленное занятие. Спать не хотелось, несмотря на поздний час.

По дороге в ванную он обратил внимание на повернутый к стене портрет.

– Ну, что скажешь, парень? Я совсем забыл о тебе, – Герман привел портрет в нормальное положение.

Гера *молчал*. Только глаза мальчишки, мерившие Германа осуждающим презрительным взглядом, будто говорили: «Трепач! – вот ты кто».

Казалось, Гера на фото заметно возмужал.

* * *

Пока в ванной набиралась вода, прошло около семи минут, но за этот небольшой срок Герман сделал два открытия.

Сначала из ванной, где шумела вода, он отправился на кухню, чтобы подымить в форточку (дыма в помещении Герман не любил и крайне редко позволял себе закурить даже в машине). Как только сигарета оказалась в привычном месте между указательным и средним пальцами, он понял, что курить совершенно не хочет. Он покрутил ее, слушая, как под тонкой бумагой шуршит табак, а затем отправил в мусорник. Секунду спустя только начатая пачка «кэмэла» последовала за сигаретой, как взвод солдат в тесном броневику за смелым разведчиком-добровольцем – парни отправлялись в долгий путь, где в конце их подберет на свалке какой-нибудь обрадованный бомж, или они попадут под дождь, потемнеют и разбухнут как покойники в своей тесной братской могиле.

Выходит, он бросил курить? Герман заглянул в мусорное ведро с саркастической ухмылкой. Эта ситуация напомнила ему то ли эпизод из какого-то старого фильма, то ли не менее старый анекдот, где приговоренному к смерти, которому предстояло через пять минут отправиться на эшафот – предлагалось бросить курить.

Затем, пока еще набиралась вода в ванной, Герману пришла мысль измерить температуру. Он отыскал термометр в старой пыльной аптечке, Бог знает с каких времен валявшейся в кухонной антресоли, и сунул подмышку. Герман вынул градусник ровно через пять минут. Он долго всматривался в шкалу, начав уже опасаться, что его зрение стало угасать. Однако скоро выяснилось, что мелкие деления он видит превосходно; просто серебристая полоска ртути... осталась на прежнем месте – на отметке 34,6.

Если первое открытие Германа позабавило, то второе – пожалуй, озадачило (Ха! Он все еще боится смерти? А может, он УЖЕ умер?). Герман на всякий случай попытался отыскать на

руке пульс. Его не... так-то и легко удалось найти; он был слегка замедленным – ударов пятьдесят в минуту – но, если прижать палец в нужной точке, прослушивался довольно отчетливо.

«Ну конечно, а чего ты ожидал? Ты ведь *дышишь*, – зачем снабжать кровь кислородом, если сердце остановилось?»

* * *

Едва начав опускаться в ванну, Герман вдруг закричал. Казалось, кто-то, обладающий весьма специфическим чувством юмора, решил подшутить над любителями ночного душа и пустил по водопроводу кислоту. Герман буквально выпрыгнул из ванны, – кожа в местах соприкосновения с водой мгновенно стала пурпурно-красной, будто ее ошпарили кипятком, и сильно пекла, как при настоящем ожоге.

Чертыхаясь, Герман аккуратно промокнул полотенцем воспаленные участки, и, надев только трусы, вернулся в гостиную.

Он сел в кресло, тупо глядя *мимо* пространства, и... ему вдруг стало совершенно наплевать, на все: каким окажется результат теста на ВИЧ; как поступить в ситуации с непрошеными гостями, если кому-то неожиданно взбредет в голову нагрянуть к нему в дом; на вирус; на то, как он будет выглядеть в понедельник; и даже на то, доживет ли он вообще до вечера следующего дня – абсолютно на ВСЕ...

– Мне *плевать*... – сказал он в безмолвную комнату.

* * *

Он лежал в одноместной больничной палате. Рядом с его кроватью висел белый штатив капельницы; из перевернутой вверх дном бутылки с физраствором, зажатой в держателе штатива, тянулась длинная прозрачная трубка, соединенная через толстую иглу с веной в его руке. Ко дну бутылки поднимались веселые рои маленьких пузырьков. В палате горело две люстры в круглых матовых плафонах. У изголовья кровати стояла старая больничная тумбочка, окно занавешено длинными порттьерами (судя по всему, был поздний вечер). В углу палаты стоял стул на металлических ножках с низкой жесткой спинкой, похожий на конторский. У противоположной стены – повернутое вбок инвалидное кресло.

Герман лежал на спине, чувствуя холодок в сгибе руки, куда была подсоединена капельница, и притупленную пульсирующую боль в правой нижней части живота.

– У вас лихорадка, – сказал врач, осматривая Германа. – Впрочем, иначе быть и не могло. – Он склонился над вспухшим разрезом шва внизу живота Германа.

Шов был не меньше двенадцати сантиметров в длину, стянутый поперечными стежками хирургических ниток, глубоко врезавшихся в воспаленную темно-лиловую кожу. В центре шва, где находилось сморщенное кровоточащее отверстие, торчал конец тонкой резиновой трубки, из которой, пульсируя в такт ударам сердца, лилась струйка мутного гноя.

– Мы едва успели вас спасти, – произнес врач, осматривая шов. – Но, боюсь, осложнений не избежать. Кажется, началось заражение.

Врач выглядел совсем как добрый доктор Айболит, нарисованный на обложке старой детской книжки: низенького роста, с круглым румяным лицом, лучиками морщинок вокруг глаз, которые появились от привычки часто улыбаться (либо приходить в ярость), в аккуратном ослепительно-белом халате. Рукава халата были немного длинноваты – из-под накрахмаленных манжет выглядывали розовые пухлые руки.

Когда врач наклонился над Германом, он заметил, что у того в кармане халата что-то перевалилось: что-то длинное, узкое вверху и расширяющееся к низу. Под таким углом обзора

Герман мог увидеть только кончик узкой верхней части. Это имело металлический блеск. Маленький яркий зайчик сверкнул Герману в глаза, отразив свет люстры.

– Больно? – врач надавил пальцем на вспухший участок; в его голосе прозвучало скорее утверждение, чем вопрос.

Германа выгнуло дугой, но он сумел удержать стон внутри.

Он еще не успел до конца осознать, что с ним произошло, и как он здесь очутился; почему к его руке присоединена капельница, и что так сильно болит внизу живота.

едва успели вас спасти...

«Мне сделали операцию?»

Герману смутно припомнился аэропорт, пачка белых таблеток, купленная в аптечном киоске рядом с залом ожидания... Он успел принять их все (почти – последняя раскрошилась... это был анальгин, кажется), пока длилась задержка рейса. Ему вспомнилась толстуха в окружении своего выводка, сидевшая на расплывшемся чемодане рядом с входом в общественный туалет – вроде бы, он на нее свалился? – или... А потом был самолет, такси... его квартира... боль... жар... И, кажется, он сам вызвал «скорую». Дальше он не помнил. Интересно, кто ихпустил? Или кому-то пришлось ломать дверь?

Он собирался спросить у врача, что с ним произошло, но внезапно передумал. Что-то его настораживало в этом маленьком докторе, похожем на Айболита.

Возможно, это аппендицит... да, скорее всего, именно так – аппендицит – он и сам догадался.

В палате было прохладно (почему он тут один? – возник мимолетный вопрос). К стене над креслом-каталкой был прилеплен пластырем большой глянцевый календарь – сидящий пятнистый дог в белой круглой шапочке на голове, с красным крестом в центре. Высунутый язык пса был одного цвета с крестом на шапочке; его глаза смотрели куда-то в сторону, однако Герману показалось, что дог время от времени поглядывает на него.

Он замерз, потому что одеяло было откинута, а одежда – его любимый тонкий синий гольф и какая-то желтая байковая пижамная куртка (в которую его, видимо, обрядили уже в больнице) – задрана кверху под самые подмышки для осмотра.

– Будем принимать экстренные меры, – произнес врач.

В его голосе звучала озабоченность, но на другом уровне интонации (где-то в глубине, как урчание желудка во время разговора) просквозило нечто, от чего Герману стало еще холоднее, будто доктор сказал не «будем принимать экстренные меры», а «**СЕЙЧАС МЫ ПЕРЕРЕЖЕМ ЕМУ ГЛОТКУ, КАК СВИНЬЕ, ТОЙ ЗДОРОВОЙ ОСТРОЙ ШТУКОЙ, ЧТО ЛЕЖИТ В ПРАВОМ КАРМАНЕ МОЕГО ХАЛАТА**».

Он посмотрел на Германа:

– Как вы себя чувствуете?

ПРИГОТОВЬСЯ, СЫНОК, МЫ СКОРО НАЧНЕМ. НО МЫ НЕ БУДЕМ СЛИШКОМ ТОРОПИТЬСЯ, ЧТОБЫ РАСТЯНУТЬ УДОВОЛЬСТВИЕ, ПРАВДА?

Герману вдруг показалось, что он находится не в больничной палате, а в помещении, которое лишь приблизительно напоминает ее. Нет никакой больницы, никаких операционных, процедурных, и нет коридора за дверями в его «палате», длинного больничного коридора, по которому ходят люди в белых халатах и прогуливаются выздоравливающие больные. На самом деле ничего этого нет. Есть лишь это помещение, ставшее его казематом. Как маленький остров в ужасающей пустоте страшного серого мира, наполненного криками и стонами, населенного страшными обитателями, только внешне похожими на людей – добрыми Ай-Болитами – Добрыми Докторами и их помощниками. И если выглянуть в окно, отодвинув эти длинные тяжелые портьеры (которые, несомненно, предназначались для Германа, чтобы он *не увидел лишнего*), то можно было бы рассмотреть... Потому что это был мир врачей-мясников, вивисекторов.

Из дому его забрала не настоящая «скорая помощь» – те приехали чуть-чуть позже и уже никого не застали – это была *Их* машина. Машина Добрых Докторов. *Они* каким-то образом узнали о нем и поспешили за ним. *Их* «неотложка» опередила другую, настоящую, потому что появилась, как Летучий Голландец, прямо из сумрака под деревьями, стоявшими у дома Германа, и там же исчезла, уже вместе с ним. *Они* забрали его и никому неизвестным путем привезли сюда – в это ужасное место.

Теперь он целиком в *Их* власти.

мы вас едва успели спасти...

ПОТОМУ ЧТО УМЕРЕТЬ ОТ ПРОСТОГО ПЕРИТОНИТА БЫЛО БЫ СЛИШКОМ ЛЕГКО – СЛИШКОМ БЫСТРО

Не для этого *Их* машина появилась под его домом, появившись из тени, как призрак из тумана.

СКОРО НАЧНЁМ – НО МЫ НЕ БУДЕМ СЛИШКОМ ТОРОПИТЬСЯ – ЧТОБЫ РАС-
ТЯНУТЬ УДОВОЛЬСТВИЕ (НАШЕ И ТВОЕ)... ПРАВДА? ПРАВДА?.. ПРАВДА...

Герман содрогнулся, внезапно поняв, *куда* исчезают люди – десятки людей ежедневно по стране. Не все, но какая-то их часть.

Их забирают *Добрые Доктора...*

Рация *Их* «скорой помощи» (нет, на *Их* машине по бокам написано не «скорая», а «добрая помощь») перехватывает вызовы из квартир или с мест аварий, и *Они* стараются прислать свою машину раньше, чтобы потом привести больных *сюда*.

Герману вдруг показалось, что противоположная стена, у которой стояло кресло-каталка с вывернутыми колесиками, стала прозрачной, и он увидел другую палату – гораздо больше, чем эта, но хуже освещенную. В ней стояло десять или двенадцать коек – столько он смог рассмотреть – остальные терялись в темных углах, заслоняемые неведомо откуда взявшимися странными тенями. В палате были люди...

«Тебя еще нет с ними, потому что ты *здесь* еще новичок, Герман», – прошептал кто-то в его голове.

МЫ НЕ БУДЕМ СЛИШКОМ ТОРОПИТЬСЯ...

«Присмотришься к этим людям внимательно – и все поймешь».

Герман взгляделся в сумрак палаты, проявившейся сквозь стену, как проступает изображение на фотобумаге, опущенной в ванночку с проявителем. Стена словно превратилась в огромную мрачную эфемерную картину, – казалось, что эта палата стала продолжением той, где лежал Герман. Свет из его палаты туда не проникал, наталкиваясь на невидимую преграду: это было похоже на жутковатый театр теней, устроенный в неожиданном месте, как если бы вдруг посреди поля или улицы возникла резкая граница между днем и ночью.

«Смотри внимательно, Герман – на этих людей... – настойчиво шептал голос. – Все они когда-то начинали с твоей палаты, а теперь...»

Сперва Герман не мог понять, чем заняты те, кто находится в движении, – их было больше половины, остальные лежали неподвижно на тусклых, ничем не застеленных матрацах. Наконец, ему удалось рассмотреть полулежавшего на койке молодого человека, лет двадцати, лицо которого было обращено в сторону Германа (у него возникло ощущение, что парень смотрит прямо ему в глаза). Он находился ближе других к стене и, соответственно, к Герману.

Каждые несколько секунд тот с усилием зажмурился, а затем снова открывал воспаленные глаза, словно в них попало по пригоршне соли. Зажмурил... открыл... зажмурил... открыл... – парень проделывал это с четкой регулярностью метронома – *зажмурил... открыл...* На него было так тяжело смотреть – что у Германа самого защипало в глазах.

«Да что же он *делает?*»

...зажмурил... открыл... раз... два... раз... два...

«ЧТО ОН ДЕЛАЕТ?!» – внутри у Германа зашевелилось нечто мерзкое, поднимаясь к горлу ритмичными волнами.

...раз... два... раз... два...

«Ты уже начал *понимать*, Герман, – вновь появился шепот, – разве не так? Однажды, его, как и тебя, забрали сюда Добрые Доктора... Ты уже отлично разглядел и понял, что он делает... и ЧТО с ним сделали Они...

Ты всегда так поступаешь, Герман – начинаешь понимать, а потом пытаешься придумать все то, что тебе не нравится или пугает тебя. Твой девиз – «Лучше обмануть себя, чем принять ЭТО».

Ведь ты уже понял, что, если он прекратит моргать, то умрет от удушья; он должен делать это каждые пять или шесть секунд – и днем, и ночью, даже во сне. Наверное, он давно бы уже умер, но он каждый раз просыпается, когда в крови начинается нехватка кислорода. Возможно, несколько раз он уже синел во сне, потому что от многодневной усталости не мог не спать, но сумел выжить; а потом у него укрепился рефлекс – он уже никогда не сможет перестать играть в эти смешные *засмурки*. Похоже, Добрые Доктора находят его забавным, а ты? Парню просто закоротили в мозгу несколько нервных окончаний...

Но лучше посмотри на того, что сидит за ним...

Герман увидел мужчину средних лет с таким сосредоточенным выражением лица, которое ему прежде не доводилось видеть; оно было подобно маске из окаменевшей кожи, на виске тускло поблескивала спускавшаяся к уху капелька пота, чуть выше пульсировала напряженная выпирающая жилка. Мужчина смотрел куда-то в сторону; иногда его взгляд перемещался себе под ноги, а затем возвращался к прежней точке, словно у наводчика противотанковой пушки, проверяющего уровень прицела относительно холма, из-за которого вот-вот должна была появиться вражеская железная машина. В правой руке он все время сжимал что-то похожее на резиновую грушу. Правый рукав его грязно-коричневой пижамы был отрезан, из него выпирало неправдоподобно раздутое предплечье, то напрягавшееся, то расслаблявшееся в такт сжимания груши. Казалось, натянутая на гипертрофированных мышцах кожа может в любой момент лопнуть. Натруженное предплечье опоясывала густая сеть огромных вен. Герман заметил, что от груши отходят две трубки: одна прозрачная, видимо, пластиковая, другая – резиновая. Обе трубки уходили под одежду мужчины в отверстие пижамной куртки на уровне груди, слева. По прозрачной трубке бежала очень темная красная жидкость.

«Ты прав, теперь у него такое *сердце* – новое, придуманное Добрыми Докторами...» – подтвердил шепчущий голос.

Герман был потрясен. Но какая-то часть его сознания (вероятно, та, которой заведовал Независимый Эксперт) хладнокровно отметила, что Добрые Доктора хоть и преуспели в своей извращенной изобретательности, – в ней, однако, присутствовало явное однообразие. Хотя, возможно, *Они* продвинули свою профессиональную фантазию несколько дальше – например, расположили в желудке у одного из своих «пациентов» вкусовые рецепторы. Чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Наверное, в этом жутком мире для Добрых Докторов возможно абсолютно все – это был *Их Мир*.

Герман попытался рассмотреть следующего обитателя Сумрачной палаты, но лишь успел увидеть невероятно тощую костлявую фигуру, корчившуюся на полу, как раненное насекомое... Когда стена, разделявшая две палаты, вновь «встала» на свое место, – салатная побелка с синими ромбиками, выполненными под трафарет, календарь с догом в наряде собачьего медбрата.

Это произошло в тот момент, когда врач, осматривавший Германа, произнес:
– Я спрашиваю, как вы себя чувствуете?

Герман вздрогнул, словно вышел из транса.

Что это было? Мимолетный, но удивительно продолжительный в субъективном времени бред? Может, у него сильный жар? Сколько успело пройти времени? Герману показалось – не менее получаса, но, вероятно, не более нескольких секунд.

Герман перевел взгляд на врача. Голос дока звучал совершенно нормально, и выглядел тот без намеков на профессиональное сумасшествие – обыкновенный врач в белом халате, немного похожий на Айболита из детской книжки, которого заботит состояние Германа.

Теперь все выглядело совершенно нормально.

Врач продолжал смотреть на него, ожидая ответ на свой как минимум дважды заданный вопрос.

Герман выдавил кислую виноватую улыбку:

– Неплохо, но могло бы быть и лучше.

Врач понимающе кивнул: мол, понятное дело.

Перед глазами у Германа все еще продолжала стоять Сумрачная палата. Он вдруг подумал, что не заметил там ни одной женщины. Конечно, Добрые Доктора забирали и женщин. Должно быть, те находились в специально отведенных женских палатах. Наверное, здесь были еще и дети...

«О чем ты *думаешь*?!» – мысленно сказал себе Герман. – Тебе это просто привиделось, вот и все!»

Врач окончил осмотр и помог Герману привести в порядок одежду. Герман укрылся одеялом, ожидая, что ему станет теплее, однако по-прежнему было холодно, он ужасно продрог.

– У вас здесь не жарко, – заметил он, посмотрев на врача.

– Неполадки в котельной, – сказал док и, приоткрыв двери палаты, позвал медсестру.

– Готовьте пациента к переливанию крови, – распорядился он, когда через минуту в палату заглянула медсестра.

У Германа при этих словах защемило в груди.

– Это *обязательно*? – он попытался поднять голову с подушки. Длинный разрез внизу живота сковывал движения, – рассеченные мышцы пресса мучительно болели при каждом движении, требовавшем их участия (Герман немало удивился, открыв для себя, что без них невозможно было даже высморкаться); если бы его кто-то сильно рассмешил, то от боли он мог бы запросто потерять сознание.

– Лежите, – приказал врач, заметив его попытку приподняться, и снова обратился к медсестре: – Выясните по анализам группу и резус-фактор.

– Но я... – опять начал Герман; на этот раз ему удалось оторвать затылок от маленькой больничной подушки. Живот моментально отозвался резкой болью.

– Всего несколько часов назад вы перенесли тяжелую – очень тяжелую операцию. Вам нельзя делать резких движений, успокойтесь! – Доктор произнес это мягко, но последнее слово прозвучало скорее как приказ.

Медсестра с интересом посмотрела на Германа и вышла исполнять распоряжение. Он смог лишь бессильно проводить ее взглядом.

Врач стал прохаживаться по палате взад-вперед. Глядя на него, Герман запаниковал.

ОНИ СОБИРАЮТСЯ СДЕЛАТЬ ЕМУ ПЕРЕЛИВАНИЕ!

Его охватил животный страх.

«*Они* уже начинают, Герман, – но не станут **СЛИШКОМ ТОРОПИТЬСЯ**».

Добрые Доктора.

Он снова перевел глаза на прохаживающегося по палате врача.

Почему он остался? Почему не ушел вслед за медсестрой?

«Чтобы проконтролировать тебя, чтобы ты ничего не натворил, – чего-нибудь, не входящего в *Их* планы».

Док время от времени теребил что-то в правом кармане халата; на его круглом лице блуждала странная улыбка, похожая на сдержанное предвкушение чего-то, что должно было вскоре произойти.

– Может быть... – нерешительно подал голос Герман, – обойдемся без этого?

– Что?.. – врач остановился и посмотрел на него с таким видом, словно его оторвали от приятных мыслей в самый неподходящий момент.

– Наверное, переливание не единственный способ... – Герман лихорадочно соображал, подыскивая подходящие аргументы.

– Вот что, молодой человек, – врач решительно шагнул к его кровати. – Давайте каждый будет заниматься *своим* делом!

Он был небольшого роста, но сейчас возвышался над Германом, как неумолимый великан; Герман почувствовал себя нашкодившим мальчишкой, которого отчитывают за глупое упрямство.

Неожиданно обнаружилось, что врач больше не напоминает Айболита из детской книжки. С ним произошла какая-то перемена – где-то на внутреннем уровне, – но явно изменившая его даже внешне. Теперь он был похож на доброго доктора с обложки в той же степени, в какой восковые фигуры людей из музея мадам Тюссо – на своих живых прототипов.

Собрав всю силу воли, Герман произнес, чеканя каждое слово:

– *Я не хочу.*

Врач медленно приблизил к нему побагровевшее лицо; глаза его округлились. Герман увидел, что у него больше нет ресниц, лишь тонкий ободок, окаймляющий веки.

– Мне показалось, или вы действительно что-то *сказали*? – громко прошептал тот.

«Герман, он начинает злиться! Да посмотри же на него внимательно – он ненормальный!»

– Я...

«Он опасен!»

– Я не хочу... НЕ ХОЧУ!

Врач, не сводя взгляда с Германа, выпрямился; лицо стало неправдоподобно пурпурным, и вдруг резко побледнело.

– МОЛЧАТЬ! – взревел док. – Здесь я решаю! Если каждый начнет диктовать мне, что делать и что не делать, хотеть или не хотеть!.. – его глаза постепенно становились выпуклыми, словно стекляшки. – Ты *мой* пациент! *Мой* больной! Я решаю! Понял?! Ты *мой*! МОЙ!

ТЫ НАШ... НАШ... ЗДЕСЬ ТОЛЬКО МЫ РЕШАЕМ!!! ТОЛЬКО МЫ!!!

Герман сделал попытку снова поднять голову...

...И получил неожиданно сильный удар между глаз!

Потом холодная и твердая, как деревяшка, рука врача (которая сейчас вряд ли уже была пухлой и розовой) с силой вдавила его голову в подушку. Над Германом повисло перекошенное от бешенства лицо.

– Хочешь лошадиную дозу наркоза?!

Он лишился дара речи, низ живота пронизала ужасная боль.

В этот момент в палату вкатили аппарат для переливания крови двое огромных, как нефилимы, санитаров.

«Это Помощники, это *Их* Помощники...»

– Нет! Пойдите!.. – запротестовал он с новыми силами и, забыв на какое-то мгновение о боли в животе, попытался оттолкнуть от себя врача, который продолжал вдавливать его голову в подушку своей жесткой холодной клешней.

Он легко отбросил Германа на место и ударил снова. Герману показалось, что у него едва не вылетели мозги.

ВАМ НЕЛЬЗЯ ДЕЛАТЬ РЕЗКИХ ДВИЖЕНИЙ...

– Снимите с него капельницу! – сказал врач Помощникам.

Чья-то грубая рука выдернула иглу из вены; Герман вскрикнул.

– Не делайте этого... Я не хочу... – подниматься он уже не решался, но попробовал увернуться в бок.

Его заставили вернуться обратно.

– ПРЕКРАТИТЕ!..

Помощники крепко удерживали руки и ноги. Он начал извиваться, но силы быстро оставили его – страх парализовал, а боль в животе выросла до размеров вселенной.

– Нее-е... – его голос неожиданно сорвался.

Добрый Доктор продолжал вдавливать его голову в подушку. Герман увидел, как вторая рука врача метнулась в правый карман халата и через секунду зависла над ним, сжимая огромный сверкающий скальпель.

Скальпель резко опустился вниз у самой головы Германа, вспоров подушку с глухим чмокающим звуком. Лезвие зацепило ухо, и в нем сразу стало тепло и сыро.

– Тебе уже стало спокойнее? В следующий раз я отрежу его совсем и не стану пришивать... – просипел Добрый Доктор.

Врач приблизил лицо к Герману и глянул в упор. Его глаза стали быстро меняться, – они стали как линзы фотообъектива – выпуклые и безжизненные, мертвые стекляшки. В их глубине пульсировали, сужаясь и расширяясь, черные, как провалы в Бездну, зрачки-диафрагмы. (ЩЕЛК!)

– Начинайте! – приказал Помощникам Добрый Доктор; его голос зазвенел долгим эхом, многократно отразившись от стен палаты.

Сбоку к Герману стало приближаться что-то длинное и блестящее с узким острым концом, с которого свисала вязкая коричневая капля.

– Стойте! ЧЬЯ ЭТО КРОВЬ?!

Рядом (со стены) раздался громкий собачий лай...

– ЧЬЯ ЭТО КРОВЬ?!

Гигантская игла с мучительной болью разорвала вену...

Герман проснулся от собственного крика.

* * *

Сквозь шторы пробивался утренний свет. Герман сел на кровати и посмотрел на часы: восемь. Отер ладонью мокрый от пота лоб и отправился в ванную, чтобы сделать как минимум две вещи: во-первых, проверить, насколько он изменился за ночь (в ванной висело большое, почти во весь рост зеркало); во-вторых, умыться, чтобы холодная вода окончательно прогнала видения из кошмара.

Впрочем, еще на пути в ванную Герман с содроганием отметил, что часть волос осталась на подушке, тело одряхлело сильнее, а мышцы заметно ослабли и уменьшились в объеме – вирус не спал этой ночью, продолжая наносить разрушения, как червь точит дерево. Как тысячи огромных прожорливых червей.

С самым мрачным предчувствием Герман подошел к большому зеркалу.

Первое, что бросилось в глаза, он стал на пять-семь сантиметров ниже; еще вчера макушка головы (с того расстояния, откуда он обычно смотрелся в это зеркало) немного не умещалась в верхнюю границу, сейчас же – оставалось еще достаточно свободного пространства, чтобы поместиться небольшим рожкам. На лице проявилось больше морщин, волосы поредели (как того и следовало ожидать, если вспомнить подушку) – местами просвечивались островки залысин.

В общем, парня, которого увидел Герман в зеркале, рановато было еще отнести к ровесникам Тутанхамона, но и на млажанового пятидесятилетнего дядю он явно уже не тянул. Скорее, это был мужчина под семьдесят.

Но, прежде всего, внимание Германа обратило на себя кое-что другое – он перестал напоминать крайне неудачно загримированного молодого актера под персонажа, годящегося ему в далекого, но еще шаркающего по маршруту койка-сортир-койка предка.

Старик в зеркале был *настоящим*.

Смотрясь в зеркало, Герман испытывал сразу два чувства: облегчение, что дела за ночь зашли не так далеко, как он того опасался, и разочарование – вирус, похоже, не собирался останавливаться. Где-то в глубине души еще жила надежда.

Вероятно, он еще увидит завтрашний день, но что касалось столь отдаленной эпохи, в которой находился понедельник...

Он, наконец, оторвал взгляд от зеркала и открыл кран с холодной водой. Ночной кошмар уже успел выветриться из головы, как пары алкоголя из открытой бутылки, даже образ Доброго Доктора ощутимо потускнел.

Памятуя, к какой реакции привел контакт кожи с водой, Герман осторожно подставил под струю одну руку и выждал несколько секунд. Он ощутил легкое жжение на внутренней и тыльной стороне ладони, зуд под ногтями, – но не более того. Вероятно, вчерашний неудачный опыт объяснялся сверхчувствительностью его кожи, – поэтому горячая вода оказалась для нее все равно, что кипяток.

Его вырвало прямо в умывальник, когда он вычищал рот от скопившегося за ночь грязно-серого налета. Уже знакомые зеленоватые сгустки забрызгали половину зеркала, висевшего над умывальником (со стороны можно было решить, что хозяин квартиры пользуется пастой-гелем для зубов марки «BLEND-A-MED»), а также часть стены. Зеленоватые слизи медленно сползали вниз по кафелю, оставляя мокрые дорожки.

* * *

10:00.

Герман открыл форточку в гостиной и остановился перед окном, глядя во двор.

С третьего этажа двор, образованный домом Германа и пятиэтажкой напротив, просматривался целиком, – но в то же время не был далеким пейзажем, как на фотографии в журнале, или Неизвестной Землей под крылом самолета, – если выглядывать с верхнего этажа шестнадцатипятиэтажного дома.

По траве между деревьями важно расхаживали вороны – нештатные дворники, облаченные в строгие фраки. Птицы таскали по двору корки хлеба, попутно стараясь отнять добычу у конкурентов, каркали, хлопали крыльями. Те, которым удалось добыть корку «пожирнее», улетали с трофеем, чтобы, устроившись где-нибудь на дереве, спокойно поработать клювом. Одна ворона, сидевшая на ветке высокого клена, словно происходивший вокруг пир ее совершенно не касался, предостерегающе закаркала, заметив со своего наблюдательного пункта выползшую из подвального окошка пушистую грязную кошку. Вероятно, наблюдатель на дереве спас как минимум одну воронью жизнь; команда пернатых «дворников» разлетелась в стороны, а затем расселась на ветках деревьев, с интересом разглядывая с безопасного расстояния разоблаченную кошку. Несколько ворон каркали, их возгласы были похожи на ругательства.

Герман продолжал стоять у окна, глядя, как ретируется неудачливая кошка. Он превратился в обычного наблюдателя. Где-то глубоко внутри блуждал страх. Но он уже не был преж-

ним, будто каким-то загадочным образом вирус выравнивал эмоции, не давая Герману сойти с ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.